ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 111 (3767) Суббота, 14 сентября 1957 г. Цена 40 коп.

Литературная общественность и деятели искусства с глубоким интересом продолжают обсуждать сокращенное изложение выступлений Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Всегда и во всем быть с партией, с родным народом — к этому направлены все помыслы советских писателей.

Слово советских писателей

ОПРАВДАЕМ ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ

ЕРЕВАН. **(Наш корр.).** Опубликованному в «Коммунисте» изложению выступлений Н. С. Хрущева о литературе и искусстве было посвящено партийное собрание Союза писателей Армении. Докладчик — секретарь парторганизации Гурген Борян — подчеркнул, что в выступлениях товарища Хрущева подняты жизненно важные вопросы нашей литературы и искусства на современном этапе. Литература должна отражать жизнь народа, его думы и чаяния, она должна служить народу. По этому пути и советуют идти писателям Центральный Комитет нашей партии.

— Партия смотрит на писателей, как на своих верных помощников,— сказал Каири Зарян. — Это возлагает на нас большую ответственность. Чтобы хорошо помогать партии, нужно глубже вникать в жизнь, правдиво изображать ее, не преувеличивая трудностей и не пасуя перед ними.

— История показывает, — заметил Х. Тапалцян, — что живут и достаются жить в веках произведения тех писателей, которые всей своей жизнью, всем творчеством были тесно связаны с народом, помогали ему в борьбе за светлое будущее.

В прениях выступили также С. Таронци, А. Грашн и другие.

Собрание призвало армянских писателей с честью выполнить мудрые указания партии.

ИРКУТСК. **(Наш корр.).** Как глубже вникнуть в дела и думы строителей, энергетиков, геологов — всех героев, которые трудятся сейчас на востоке страны, как яснее осмыслить грандиозность преобразований жизни Сибири, — эти вопросы волнуют иркутских писателей. На открытом партийном собрании местного отделения Союза писателей, состоявшемся на днях, они горячо обсуждали выступления Н. С. Хрущева о литературе и искусстве.

— Все мы прочитали этот документ с огромным удовлетворением, — заявил докладчик Г. Кунгуров.

— Выступления товарища Хрущева призывают всех работников идеологического фронта к принципиальности, бдительности, — об этом говорил И. Молчанов-Сибирский.

— Мы не можем, — сказал он,— занимать нейтральную позицию, когда в мире идет жестокая идеологическая борьба. Писатели — верные помощники партии. Это ко многому обязывает, требует более тесной связи с жизнью.

— В новом году в Иркутске выйдет альманах «Ангара», — сказал Ф. Таурин. — Нужно, чтобы он был новым не только по названию, но и более интересным, содержательным. Очерки, публицистические жанры должны занять здесь ведущее место. А ведь портфель отдела очерка в альманахе почти пуст.

На собрании выступили также И. Луговской, Р. Смирнов и другие.

Участники собрания горячо одобрили решение президиума правления Союза писателей СССР о создании Союза писателей Российской Федерации.

Максим РЫЛЬСКИЙ

НАРОД И ПАРТИЯ

Народ и Партия слиянны каждый миг,
Ведь наша Партия — и мысль, и цвет народа.
Отчизна сплочена. Всяк сущий в ней язык
Под солнцем Партии обрел свою свободу.
Те силы, что творят грядущее земли,
Прокладывая путь, невиданный дотоле,
Цветы, которые для юных расцвели, —
Все это Партии, Народа это воля.
Где наша кровь лилась по выжженным полям,
Где, сея ветер, враг пожал в сраженьях бурю,
О, сколько поднялось прекрасных зданий там,
Какие там сады купаются в лазури!
Кто чувствует в душе призвание и дар,
Писатель и поэт, творец картин и статуй,
Пусть честно Родине отдаст сердечный жар,
У нашей Партии и у Народа взятый.
Народ и Партия — в них творчество и жизнь,
Которым никакой враждебный вихрь не страшен,
И только там возьмешь в своих твореньях высь,
Где Партия, Народ, где ум и сердце наши.

Перевел с украинского Дмитрий СЕДЫХ

Служить великому делу!

С ЧУВСТВОМ радости и удовлетворения я прочитал выступления Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства. Эти выступления проникнуты огромной партийной заботой о судьбах всей советской литературы и искусства, о личной судьбе каждого писателя.

Творческий процесс нелегок, творческий работник может иногда очень серьезно ошибиться. А ошибки всегда огорчают. Огорчали нас в последнее время не только «Литературная Москва» и не только некоторые произведения «Нового мира». У нас в Таджикистане ведь тоже были допущены сходные ошибки. Наше общее дело — со всей партийной принципиальностью и требовательностью сказать товарищам об их ошибках, помочь осознать свои заблуждения и исправить их в работе. Ни один писатель, ни один деятель искусства, если он хочет служить народу, служить великому делу построения коммунизма, не может оставаться в стороне от великих дел, свершаемых партией.

Нашим национальным литературам, подъему культуры в союзных республиках дана в выступлениях Н. С. Хрущева высокая оценка. Мы, таджикские писатели, отдаем себе отчет в том, что для нас это в значительной степени «аванс на будущее». Мы в большом долгу перед народом. В наших произведениях еще не нашли достойного отражения те грандиозные преобразования, которые произошли за годы Советской власти на древней таджикской земле.

Но мы постараемся работать лучше. Путь к этому — не только напряжение всех наших сил, не только борьба за высокое мастерство, но прежде всего повседневная связь с тружениками города и деревни, глубокое и смелое проникновение в жизнь. Путь этот указан нам Коммунистической партией, и это наш единственный путь.

СТАЛИНАБАД Абдусалом ДЕХОТИ

Неделя белорусской литературы на Украине

КИЕВ. (Наш корр.). Первыми подготовились к этому событию редакции украинских литературно - художественных журналов. И сейчас, когда подписчики получают сентябрьские номера «Вітчизны», «Советской Украины», «Дніпра», «Жовтня» и «Прапора», они находят в них много произведений белорусских поэтов, прозаиков, драматургов.

17 сентября в Киев прибывает большая группа белорусских писателей. В этот же день состоится вечер братства двух литератур. Затем гости ознакомятся со столицей Украины, побывают на заводе «Большевик», на Дарницком вагоноремонтном заводе, у студентов Университета имени Т. Г. Шевченко и в Украинской сельскохозяйственной академии.

Писатели Белоруссии четырьмя группами совершат путешествие по республике.

ХРАНИЛИЩЕ ЦЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ

ДЛЯ РАБОТЫ писателей, научных работников и учреждений открыт доступ в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР.

Архив располагает обширными документальными фондами правительственных учреждений с 1917 года по настоящее время.

Чтобы показать, насколько ценны эти фонды, можно привести такой пример. На днях сотрудниками архива обнаружена интереснейшая переписка Максима Горького с правительственными органами по поводу предпринятого им в первые годы революции обширного издания «Всемирная литература».

Из этой переписки раскрывается еще один интересный факт. Горький в связи с этим изданием был, по инициативе В. И. Ленина, назначен комиссаром одной из крупнейших в стране петроградской типографии акционерного общества «Копейка».

Для работы исследователей в читальном зале архива необходима: заявка учреждения (если работа выполняется по заданию учреждения) или (если работа ведется в индивидуальном порядке) заявление в адрес начальника архива.

Широкое научное и литературное использование ценнейших исторических материалов поможет еще лучше, полнее раскрыть деятельность В. И. Ленина и его соратников, нашей партии и правительства, направленную на всемерное укрепление экономического могущества и развитие культуры первого в мире социалистического государства.

И. ЗЮЗЕНКОВ

Большой творческий разговор

В РАБОТЕ совещания писателей Сибири, проходящего в эти дни в Новосибирске, наряду с писателями старшего поколения принимает участие много творческой молодежи. На совещании присутствуют представители Новосибирска и Кемерова, Красноярска и Омска, Иркутска и Барнаула, Томска и Абакана. Они собрались в знаменательные для каждого советского литератора дни.

— Мы открываем наше совещание в такой момент,— сказал секретарь правления Союза писателей СССР С. Смирнов,— когда создается Союз писателей Российской Федерации, когда мы познакомились с волнующим и окрыляющим каждого из нас изложением выступлений Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Этот документ определяет смысл и содержание происходящего здесь, в Новосибирске, совещания писателей.

Говоря об усилившейся творческой активности советских писателей, о новых произведениях, которые выходят к 40-летию Советской власти, С. Смирнов отметил, какое значительное место занимает в русской советской литературе боевой отряд писателей-сибиряков.

— Наше совещание,— сказал он в заключение,— выходит за рамки обсуждения прозы и стихов, имеющихся в редакционном портфеле журнала «Сибирские огни». Совещание сибирских писателей — это широкий производственный разговор писателей о партийности и идейности нашего творчества, о мастерстве, это круглый стол, где председательствуют взыскательность, принципиальность, дружеская критика и заинтересованность в творческой судьбе товарища по труду. Это в то же время деловые предложения и требования, предъявляемые к уже существующему в Москве Оргкомитету, призванному объединить могучую армию литераторов, живущих на бескрайних просторах Российской Федерации.

Участники совещания заслушали доклад редактора журнала «Сибирские огни» А. Высоцкого, который рассказал об истории возникновения старейшего русского журнала, о его боевых партийных традициях, о той организующей роли, которую сыграл журнал в сплочении литературных сил Сибири.

В первый же день совещания началась секционная работа. Серьезный творческий разговор возник при обсуждении новых стихов молодого хакасского поэта М. Демина. Живо прошло обсуждение новых стихотворных циклов «Летние дни» и «За пятитысячной верстой» поэта-новосибирца Н. Перевалова. Прозаики познакомились с романом новосибирского писателя А. Иванова «Повитель».

Совещание продолжает свою работу. Его участникам предстоит еще не раз в эти дни встретиться друг с другом, чтобы обсудить новые произведения, поспорить, поговорить о волнующих проблемах творчества, о боевых задачах литераторов. Но уже теперь ясно, что это совещание, на котором по-партийному ведется большой творческий разговор, сыграет значительную роль в объединении и повышении активности сибирских писателей — боевого отряда русской советской литературы.

С. СМОЛЯНИЦКИЙ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

НОВОСИБИРСК

«Рассказы о Ленине»

Кадр из фильма «Рассказы о Ленине». В ролях: В. И. Ленин — М. Штраух, Н. К. Крупская — М. Пастухова, М. И. Ульянова — А. Лисянская.

В ГОРКАХ Ленинских — все, как тридцать четыре года назад. Шепчутся многолетние дубы и стройные липы старинного парка.

...А вот и сам Владимир Ильич. Он в обычном сереньком френче и кепке. Артист М. Штраух, много раз талантливо перевоплощавшийся в образ Ленина, идет небыстрой, свободной походкой. Левая рука у него в движении, правая — парализована. Рядом с Лениным — медицинская сестра, комсомолка Саша (артистка Л. Крылова).

— Так, значит, вы вчера были в Москве?

— Была, Владимир Ильич.

— Ну и что там?

Саша медлит с ответом. Она знает, Ильич хочет выведать у нее хотя бы крупицу новостей.

— Как что? — настороженно говорит она.

— Что нового?

— Ничего

— Совсем ничего? — иронически переспрашивает Ильич

— Совсем. — И тут же, скрывая смущение, Саша кидается в сторону. — Смотрите гриб!

— Нет там никакого гриба, — сердится Ленин. — Идите сюда, актрисы из вас не выйдет...

Так будет начинаться одна из сцен заключительной части фильма «Рассказы о Ленине», который готовится выпустить на экраны «Мосфильм» в нынешнем, юбилейном году.

— Ни один фильм, — говорит режиссер-постановщик С. Юткевич, — не может отобразить все многообразие гения Владимира Ильича. Мы поставили себе очень скромную задачу: опираясь на факты, но разрешив своей творческой фантазии дополнить и воссоздать то, о чем мы не имеем документальных свидетельств, показать Ленина в трех эпизодах его жизни. Наша основная цель — раскрыть волнующую единую тему: Ленин и народ, Ленин и простые советские люди, рядовые строители коммунистического общества. В трех небольших рассказах мы хотим выразить частицу той огромной любви и веры, которую пробуждал в сердце народа «этот самый человечный человек»

В фильме «Рассказы о Ленине» объединены три новеллы: первая— «Подвиг солдата Мухина» (авторы Н. Эрдман и М. Вольпин) — посвящена лету 1917 года, когда Ильич жил в Разливе, вторая — «Лишняя капля» (автор Н. Погодин) — показывает Москву 1920 года и третья — «Последняя осень» (автор Е. Габрилович) — Ленин в Горках, 1923 год.

Луна—Венера—Марс

Проект космического полета

«ЛВМ»-ПРОЕКТ — это проект полета на Луну, Венеру и Марс стандартных космических ракет, управляемых с Земли по радио одним комплектом наземной аппаратуры. Он принадлежит молодому советскому ученому, кандидату технических наук Ю. С. Хлебцевичу и был недавно оглашен автором в аудитории Московского планетария. Там же демонстрировался и короткометражный фильм из киножурнала «Наука и техника», № 15, заснятый Московской студией научно-популярных фильмов по сценарию Г. А. Кабалова, при участии художников В. В. Миллиоти и Ю. К. Ризеля. Благодаря этому зрители получили возможность увидеть, как мыслится осуществление весьма важного этапа исследований Луны — доставки на поверхность планеты радиотелеуправляемой танкетки-лаборатории.

Фильм переносит нас в недалекое будущее. На экране — радиотелеуправляемый межпланетный корабль, составленный из трех ракет, разгоняемых стратопланом. Бот он стартует с Земли на Луну. По мере того как расходуется горючее, в полете отключаются вначале хвостовая, а затем и вторая ракета. Головная часть корабля, продолжая движение, выходит на круговую орбиту. Тут, повинуясь радиокомандам с Земли, ее догоняет ракета-заправщик, и, пополнив запас горючего, межпланетный корабль берет курс на Луну. Вот он совершает посадку на обширной равнине «цирка Птоломея». Раскрываются люки. Из ракеты автоматически выдвигается подвижная лаборатория-танкетка со штангой, на которой смонтирована телевизионная аппаратура, связанная с наземной станцией управления. Следует радиокоманда, и танкетка пускается в путь, чтобы «обозреть» поверхность Луны и передать свои «впечатления» на Землю...

В публикуемой ниже статье автор кратко излагает основные положения своего нового проекта.

ПРЕДСТОЯЩИЙ в СССР и США запуск маленьких космических лабораторий — искусственных спутников Земли, намеченный программой Международного геофизического года, будет первым и чрезвычайно важным практическим шагом на пути в космос. Это событие не только положит начало обширным работам по изучению верхних слоев атмосферы, но и весьма облегчит решение проблемы межпланетных сообщений.

Возможность полета на ближайшие к нам планеты солнечной системы уже никем сейчас не оспаривается. В результате открытий гениального русского ученого К. Э. Циолковского, столетие со дня рождения которого исполняется 17 сентября, проблема космического полета перешла из области фантастики в сферу точного исследования, стала достоянием ученых и инженеров. В мировой печати появляются сообщения о все более реальных проектах межпланетных полетов.

В статье «Ракета полетит на Луну» («Литературная газета» от 4 августа 1955 года) я рассказывал уже о возможности освоить Луну в течение ближайших пяти—десяти лет. Принципиальное отличие этого предложения от других заключается в том, что оно предусматривает отправку на Луну составной, управляемой по радио с Земли ракеты без людей.

Чтобы представить все преимущества такого решения задачи, стоит вспомнить, например, доклад немецкого ученого Х. Келле «Проект программы по осуществлению межпланетных сообщений на ближайшие 30 лет», который был сделан на VI Международном конгрессе астронавтов в 1955 году в Копенгагене.

Х. Келле подсчитал, что в послевоенные годы в различных странах мира было разработано по меньшей мере 80 более или менее зрелых проектов в многочисленных вариантах. Проанализировав пять тысяч вариантов этих проектов, немецкий ученый заключил, что сооружение первых искусственных спутников Земли, с людьми на них, можно будет начать в период 1966 — 1970 годов, что в течение следующих шести лет вероятна организация первой экспедиции людей на Луну, а затем, на что уйдет еще не менее семи лет, и на Марс.

По мнению Х. Келле, для осуществления подобных экспедиций надо будет за пределами атмосферы, на высоте около 1 500 километров над Землей, иметь два

(Окончание на 2-й стр.)

ЧЕРТЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Они вокруг нас — зримые черты чудесной советской действительности. Мы видим их на каждом шагу и подчас не задумываемся над их значением, принимаем как привычное, само собой разумеющееся. Но иногда тот или иной поступок, событие, неизвестный прежде факт ярко раскрывают величие и красоту души советского человека, подчеркивают грандиозность свершившихся преобразований в жизни страны, в быту и психологии наших людей.

Печатая сегодня несколько корреспонденций о примечательных людях и фактах, редакция приглашает читателей и писателей поделиться на страницах «Литературной газеты» своими жизненными наблюдениями.

Сергеевна

НОГДА я захожу на стройку жилых домов завода «Красный Октябрь», стою, смотрю, как поднимается работа. И уже который раз слышу, как рабочие поминают какую-то Сергеевну: «Сергеевна выполнила», «У Сергеевны себестоимость ниже». Прораб, желая похвалить молодого рабочего, как-то сказал:

— Смотри ты, Сергеевну догоняешь!

И тут же мне сообщили, что догнать Сергеевну не так-то просто. Многие уже отработали на стройке по двести—триста часов, есть такие, что и четыреста, и пятьсот. А Сергеевна, как говорится, «разменяла» уже вторую тысячу.

Я заинтересовался: что же это за женщина-богатырь Сергеевна? Как ее фамилия?

Подумав, один сказал:

— Сергеевна — это же Кузмина.

Другой возразил:—Нет, она же—Шишкина. — Заспорили, но потом согласились:

— И Кузмина и Шишкина — обе фамилии у нее правильные. Но все зовут ее просто Сергеевна, это вернее всего. Работает она на стройке дома № 1.

И вот я у дома № 1. Возводит этот дом коллектив копрового цеха. Всего краснооктябрьцы строят в этом году 12 пятиэтажных домов общей площадью в 11 тысяч квадратных метров. Начали стройку в марте, цеховыми коллективами. Многие цехи подняли стены до четвертых этажей. Копровцы же построили все пять этажей, обрешетили кровлю, начали кладку шифера.

— Как вы добились этого?

Начальник строительства дома, он же начальник копрового цеха, Жорин весело разводит руками:

— Пусть вам об этом расскажет Сергеевна. Вон там будет ее квартира.— И он ведет меня в трехкомнатную квартиру нижнего этажа.

Сергеевна, худенькая пятидесятилетняя женщина в клеенчатом фартуке и белой косынке, туго стягивающей лоб, появляется откуда-то снизу из-под дощатого настила. Услышав мой вопрос, она смеется:

— Разве это я добилась? Я же инвалид второй группы. Сил у меня немного. Это моя родня так работает. У меня много родни, очень много...— И, погрустнев, добавляет со вздохом: — А ведь во время битвы казалось мне, что все погибли, что никого у меня нет и одна я на свете.

Я узнаю историю Сергеевны. Муж ее Иван Алексеевич Шишкин, боец рабочего отряда, сражался с фашистами в своем цехе и был убит возле своего станка. Дети — школьники Лева и Юра — погибли, когда самолеты гитлеровцев бомбили жилые дома в рабочем поселке. Сестра Евдокия пропала при взрыве склада боеприпасов. Муж Евдокии — Михей Кузмин умер от ран в бою под Сталинградом. Старший сын Кузминых, летчик Семен, погиб в воздушном бою.

Сергеевна бродила одна среди развалин. Ее взял за руку друг мужа Анатолий Андреев и привел в свою чудом уцелевшую хатку.

— Одна ты осталась, Сергеевна,— сказал он,— живи в моей семье, будешь у нас как родная.

К концу битвы выяснилось, что не все дети сестры погибли, в живых остались 11-летний Коля и его младшая сестренка Зоя. Сергеевна отыскала племянников.

— Теперь я — ваша мать, и вы — мои дети.

Так пришла к ней вторая фамилия, фамилия усыновленных ею ребят.

— После битвы,— рассказывает Сергеевна,— люди понарыли землянок, блиндажи приспособили под жилье, потом стали строиться. Мы не строились, дети были малые, сил не хватало, да и не о том мысли были; завод надо было восстанавливать. Потом дали мне с малышами от завода комнату, так и жили. А теперь мы набрали силу. Дети выросли. Коля — слесарь копрового цеха. Зоя — оператор-машинист на прокатном стане. Строимся быстрее других, потому что родни у нас много.— И Сергеевна, загибая пальцы, называет одну за другой фамилии, но потом сбивается и говорит: — В общем много, целая бригада. Я только командую. Хлопот много. Вы извините, я побегу...

И она устремляется в верхние этажи.

Жорин смотрит ей вслед с улыбкой:

— Она и сама не знает, кто родня, кто не родня. Приходят люди, спрашивают: «Где тут бригада Сергеевны?» Работают, а потом просят: «Пишите нашу выработку на Сергеевну». С Колей прибегают после смены парни, с Зоей — девчата. Каменщики, плотники, бетонщики, штукатуры. Все настаивают, что они — кровная родня Сергеевны. Молодежь работает, главным образом, на мебель для Сергеевны. Дело в том, что завод платит каждому строителю от выработки на стройке в нерабочее время. А коллектив копрового цеха постановил: не получать деньги за работу, а купить на них мебель и обставить квартиры новоселов. Бригада Сергеевны уже заработала для нее на всю обстановку и даже на три ковра. Хотят люди, чтобы сиротская семья жила лучше, а не хуже других.

Иван ЕГОРОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

СТАЛИНГРАД

Встреча на выставке

НЕДАВНО в павильоне «Сибирь» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке разыгралась любопытная сцена.

Группа посетителей обходила зал, слушая пояснения экскурсовода. У стендов Красноярского края он попросил обратить внимание на две цифры: накануне освоения целинных земель край сдал государству 34,3 миллиона пудов зерна, а в 1956 году — 94 миллиона пудов, почти втрое больше.

— Можно проследить, как поднялось хозяйство каждой артели,—говорил экскурсовод. — Возьмите хотя бы колхоз «Красный хлебороб», представленный на этом стенде. Раньше на его землях собирали только по четырнадцать центнеров яровой пшеницы с гектара, а сейчас по двадцать; сена накашивали по 9 центнеров с гектара, а сейчас по двадцать пять. Надои увеличились почти вдвое. И посмотрите, как этот рост отразился на благосостоянии колхозной семьи.

Возле стенда были сложены штабелем восемьдесят мешков пшеницы, за ними возвышалась целая гора спрессованного в тюки сена.

— Это получила, не считая другой сельскохозяйственной продукции и наличных денег, семья колхозника Василия Тимофеевича Буравченко, — пояснил экскурсовод.

— Да это же о нас речь! — вдруг воскликнул один из экскурсантов, продвигаясь вперед. — Смотри, мать,— тянул он за руку жену — На выставку поместили!

— А вы разве не знали?

— Так ведь не за что! Ничем мы перед другими не отличились! Не хуже и не лучше — рядовая семья.

— Вот именно, — заметил экскурсовод — В Сибири есть семьи, зарабатывающие и больше, и меньше. Мы же решили показать годовой доход обыкновенной рядовой семьи.

Супругов Буравченко окружили все, кто только был в зале павильона. Стали расспрашивать, велика ли семья, сколько человек работает.

— Семья наша состоит из семи человек. В колхозе работаем мы с женой и старший сын.

— Каков же ваш заработок?

— За 1956 год имели мы 1 969 трудодней. На них мы получили 32 тысячи рублей деньгами, 354 пуда хлеба, 235 пудов картофеля, 27 пудов овощей, 30 килограммов сливочного масла, да сена, да соломы.

— Богато живете!

— Не жалуемся. Скоро будем еще богаче. В шестидесятом году одной свинины дадим в четыре с половиной раза больше, чем нынче. Приезжайте к нам. Край богатый, работы всем хватит. Милости просим!

П. МАКРУШЕНКО

Право старого шахтера

ЛИСТОК папиросной бумаги. Скупые, напечатанные на машинке строки:

«Приказ по шахте № 21 треста «Сучануголь» № 303-а 16 августа 1957 года.

1. За долголетнюю и безупречную работу занести навечно в списки коллектива шахты № 21 ушедшего на пенсию бывшего забойщика Гилядзинова Бодрея Ивановича, проработавшего под землей 55 лет, и предоставить ему право посещения в любое время суток всех цехов и забоев шахты. Вручить в постоянное пользование полный комплект шахтерской спецодежды и закрепить за ним личный аккумулятор, флягу и самоспасатель.

2. Закрепить пожизненно за ним и его семьей квартиру, в которой он проживает сейчас.

3. В ознаменование многолетнего самоотверженного труда и в память о коллективе шахты вручить Гилядзинову Бодрею Ивановичу лампу «Свет шахтера» с именной юбилейной надписью».

В тот день, когда был вывешен этот приказ, у доски объявлений все время толпился народ.

Шахтеры обычно не склонны к бурным проявлениям чувств, но когда подошел старый забойщик Гилядзинов, его окружили, стали жать руки, обнимать.

Несколько дней назад Бодрея Ивановича вызвал к себе начальник шахты инженер Липский и, стараясь не обидеть старика, стал осторожно доказывать, что в 76 лет трудно работать в забое, что пора отдохнуть.

Старый горняк давно получал пенсию, но не хотел бросать шахту, в которой проработал столько лет. И вот его время пришло. Он понимал, что это неизбежно; но переживал тяжело.

Теперь Бодрей Иванович спокоен. Вместе со всеми он спускается в шахту. На нем его обычная серая, видавшая виды роба, под мышкой зажат «тормозок» (завтрак), который, как всегда, приготовила ему жена. Сегодня он поведет экскурсию молодых шахтеров, прибывших из горнопромышленного училища, по забоям и штрекам шахты. Он расскажет новичкам о том, какой была и какой стала шахта, о славном труде шахтеров... После экскурсии, в обед, по поручению парткома он проведет в бригаде проходчиков беседу о новой системе оплаты труда...

Б. СЛУЦКИЙ

СУЧАН

СОВНАРХОЗ СЛУШАЕТ ДОКЛАД РАБОЧЕГО

ОЧЕРЕДНОЕ заседание Челябинского Совета народного хозяйства было посвящено докладу токаря-наладчика цеха топливной аппаратуры Челябинского тракторного завода Павла Гавриловича Зайцева. Судя по тому, как сосредоточенно вслушивались собравшиеся в рассказ рабочего, было видно, что сделанное им рационализаторское предложение представляет значительный интерес.

Думается нам, интересной была и другая сторона дела: рабочий-новатор выступал с докладом непосредственно перед руководителями совнархоза, установил с ними прямой контакт. Такие встречи помогают созданию нового стиля работы совнархоза, стремящегося пробуждать творческую инициативу масс.

Павел Зайцев говорил:

— В этом году я решил внести в общий заводской фонд не менее 25 000 рублей экономии. От размеров этого фонда зависит размах жилищного и культурного строительства для рабочих нашего завода.

Павел Гаврилович составил личный план повышения производительности труда на своем участке. За счет снижения трудоемкости операций и ряда технических новшеств ему удалось получить значительную экономию.

Я впервые присутствовала на заседании совнархоза, и на меня большое впечатление произвел характер обсуждения — пристальный, конкретный, демократичный. Председатель совнархоза М. Соломенцев и его заместители старались как можно глубже вникнуть в существо дела. Их интересовало все, что имеет отношение к новаторскому почину.

Председатель совнархоза М. Соломенцев отметил, что инициатива Павла Зайцева — это яркое проявление творческой энергии масс, и надо сделать все необходимое, чтобы этот почин вырос в подлинно массовое движение.

В частности, зашла речь о необходимости создать на заводах, в том числе и на Челябинском тракторном, экспериментальные цехи, в которых изобретатели и рационализаторы могли бы осуществлять свои творческие поиски.

С каждым днем на заводах и стройках Челябинска и Челябинской области увеличивается число последователей Павла Зайцева — рабочих, инженеров, техников, которые, так же как и он настойчиво добиваются повышения производительности труда, вносят свой вклад в фонд экономии, борются за успешное выполнение постановления ЦК партии и Совета Министров СССР о жилищном строительстве.

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

ЧЕЛЯБИНСК

Поезд идет на Восток

Рисунок художников М. Ройтера и С. Снатинна

СОНЕТ Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО

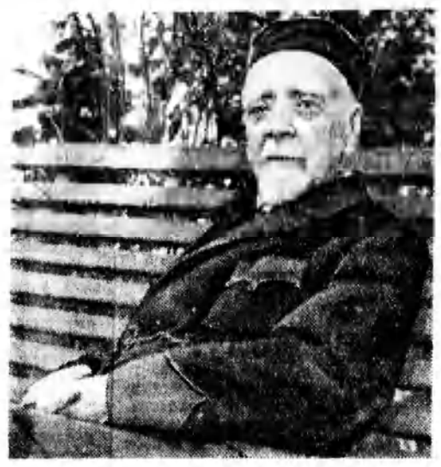
Ужель все кончено? Все струны отзвенели?
И о страде всех нас
замолкнет в мире речь...
Не может быть! Недаром мы сумели
Такой костер из искорок зажечь...

Далеких юных дней отрадные волненья.
И встречи первые, Ильич, с тобой...
О, если бы в последнее, предсмертное мгновенье
Твой облик пламенный предстал передо мной!
И чтобы не укор прочесть в твоем мне взоре,
А прежний теплый твой и дружеский привет...
С самой бы смертью я тогда поспорил,
Сказал бы ей: где ты — там смерти нет!
Где ты — там сердце мира бьется,
Там знамя красное победно развернется!

19/IV-57 г. Г. Кржижановский

ПРОСТЕНЬКАЯ садовая калитка с запором - вертушкой открылась, и мы вошли в маленький сад. Над дорожками свисают красные гроздья рябины, раскачиваются смолистые лапки низкорослых сосенок; тянутся к солнцу ранней осени неяркие цветы.

Старый садовник, занятый в саду, просит нас подождать на террасе, где стоит несколько плетеных кресел и стол, накрытый клеенкой. Ждать пришлось недолго. По садовой дорожке, придерживая руками ветви кустарников и цветов, шел к нам в скромном сером костюме хозяин этого дома, человек, очень знакомый нам по фотографиям, в темной шелковой шапочке — Глеб Максимилианович Кржижановский.

В свои восемьдесят пять лет он легко взошел по ступенькам террасы.

— Интервью? Просьба написать статью?

Нет, мы пришли к нему, к другу Владимира Ильича Ленина, к старейшему революционному деятелю и академику, с несколько необычным визитом: мы пришли к нему в гости, как к поэту.

Г. М. Кржижановский — не только ученый и революционер, но и поэт, автор революционных песен, среди которых широко известна «Варшавянка», русский текст для которой он написал. Его песни вдохновляли рабочий класс на борьбу с самодержавием— «на бой кровавый, святой и правый!», они звучали призывно и властно от края до края нашей страны в годы двух революций и гражданской войны, они живут и сегодня в наших сердцах.

Вихри враждебные веют над нами...

Кто не помнит эту песню, мужественную, гордую зовущую! Слова ее были написаны в камере Бутырской тюрьмы и первый раз прозвучали под тюремными сводами в 1896 году, когда партию ссыльных отправляли в Сибирь.

В ссылке, куда Глеб Максимилианович был отправлен одновременно с В. И. Лениным, неумолчно звучали песни революции. Об этом писала в своих воспоминаниях Г. Окулова-Теодорович, дружба которой с Глебом Максимилиановичем длится уже шестьдесят лет:

«Современному поколению трудно себе представить те переживания, которые вызывали эти песни в кучке революционеров, заброшенных царским правительством в глухую тогда Восточную Сибирь. Они потрясали, звали вперед, вызывали внутренний восторг. Иногда Глеб Максимилианович пел песни, сочиненные им самим». И дальше: «Есть что-то прекрасное в сочетании: Ленин и его ближайший друг — поэт, инженер, революционер Глеб Максимилианович Кржижановский».

И вот теперь мы обращаемся к автору текста «Варшавянки» — не познакомит ли он нас с другими, еще не опубликованными стихами, которые, как говорят, хранятся у него в заветной папке? Может быть, есть стихи, посвященные его великому другу — Владимиру Ильичу Ленину?

Глеб Максимилианович говорит:

— Да, у меня есть сонеты, посвященные Владимиру Ильичу. Я не собирался их публиковать. Но если хотите, прочту один сонет...

Всего несколько строчек. Один сонет. Но как много волнующего в каждом его слове, звучащем сейчас в тиши осеннего сада. Сила этого стихотворения — в глубочайшей проникновенности, искренности, чистоте, мужественной и преданной любви к великому народному вождю.

Сонет окончен. И долго еще в тиши сада как бы звучат его строфы.

После некоторого колебания Глеб Максимилианович по нашей просьбе записывает сонет на маленьком листке бумаги и передает редакции.

А. ВЕЛИЧКО,
А. ЛЕСС.

ФЕЛЬЕТОН

ОСКОРБЛЕНИЕ ПОДОЗРЕНИЕМ

ИНЖЕНЕРА Николая Ивановича Осокина оскорбили. Глубоко. Остро. Нет, не действием или словом (за словом он и сам в карман не полезет)... Его оскорбили подозрением. И он требует сурового наказания виновных, хотя в уголовном кодексе нет подходящих статей.

Инженер Осокин положил на стол документ, вызвавший его благородный гнев. Документ был выдан Центральной политехнической библиотекой в Москве и назывался деловито: «Гарантийное обязательство». Как гласило примечание, эту строгую бумагу дозволялось подписывать только руководителям учреждений и главным бухгалтерам. Не ниже.

Так что же должны были засвидетельствовать эти номенклатурные товарищи? А то, что Николай Иванович Осокин не убежит, бросив службу и любимую семью, в ближайший исторический отрезок времени куда-нибудь за черту города. Не умчится, попутно прихватив под мышкой пару книг по металлографии, принадлежащих библиотеке, чтобы там, вдали от бдительного ока директора Е. Горбуновой, наслаждаться красочными таблицами.

На бумаге наиболее четко выделялась линия отреза. И то, что было за ней, показалось инженеру особенно обидным. Так и чувствовалось, что это писали люди с насупленными бровями.

«Остается в бухгалтерии учреждения, прикрепляется к карточке на зарплату... Не производить расчета при увольнении без справки Центральной политехнической библиотеки о возврате всей взятой литературы».

Конечно, книги надо ценить. Бессмертные шедевры, хранящиеся в библиотеке, требуют к себе бережного, чуткого отношения. Но, быть может, не меньшей чуткости требуют и те, кому выдаются томики в ледериновом переплете?

Инженер Осокин двадцать пять лет работает на одном из московских заводов. Облечен доверием. Ворочает немалыми материальными ценностями. И не собирается увольняться. А тут вдруг его взяли под подозрение...

ТОТ, кому приводилось, помогая милиции, доставлять в отделение нарушителей порядка, наверное сталкивался со странной процедурой. Человеку, выполнявшему в данном случае свой гражданский долг, вряд ли удастся дождаться благодарности. О его добром поступке не сообщат по месту службы. Но зато ручаемся, что придется ему провести в отделении милиции битых два часа, отвечая на двадцать два вопроса протокола. Милиции остро необходимо знать социальное происхождение род занятий родителей и имущественный ценз того, кто помогал постовому. Волнует их и то, имеете ли вы ранения или контузии и в каких бандах (вы, а не задержанный!) участвовали. И тут начинаешь сомневаться в том, кто же виновник происшествия — вы или вот этот чубатый детина в кепке-малокозырке. Может, действительно, обругали на улице женщину именно вы, а потом по дороге рассеянно прихватили хулигана, чтобы не скучно было шагать на собеседование к чопорным людям в милицейской форме.

Но, допустим, все аналитические пункты протокола заполнены. Начинается устный допрос. Он строится так мудро и деликатно, что вскоре выясняется, будто вы сами сняли с себя пальто или часы «Зенит».

Точно так и произошло с молодыми рабочими одного из московских машиностроительных заводов Ю. Барановым и В. Каменецким. Приятели возвращались со смены. Был радостный день получки. И, ах, как омрачен был этот день неожиданным происшествием! На углу одной тихой улицы наперерез приятелям вышла группа подвыпивших молодых людей и, угрожая ножами, отобрала у рабочих деньги и часы. Но то, что произошло дальше, выглядело никак не радужнее.

Ю. Баранов и В. Каменецкий обратились в 57-е отделение милиции. Здесь их принял оперуполномоченный А. Евсинейкин.

— Точно ли помните, что вас ограбили? — сухо спросил он. — Может, вы сами утеряли вещи? Или дали кому-нибудь напрокат? Смотрите, не вводите милицию в заблуждение.

И привычно забубнил:

— За дачу ложных показаний будете нести ответственность согласно статье Уголовного кодекса РСФСР...

Ю. Баранову и В. Каменецкому не хотелось нести ответственность. Они уже не радовались знакомству с уполномоченным. Но было поздно. А. Евсинейкин приложил героические усилия, чтобы заставить пострадавших отказаться от жалобы. Он гостеприимно продержал их в отделении почти сутки и отпустил лишь тогда, когда испуганные приятели заявили, что никто их не грабил.

А через несколько дней на станции Перово был задержан вор-рецидивист Чушкин. На очередном допросе он поведал, что вместе с соучастниками недавно ограбил Ю. Баранова и В. Каменецкого.

Грабителя судили показательным судом и строго наказали. А сверхбдительный А. Евсинейкин до сих пор находится на своем посту...

В ОПИСАННОЙ детективной истории оскорбление недоверием принесло не только моральный, но и материальный ущерб. Ведь если бы уполномоченный милиции поверил пострадавшим, банда была бы обезврежена раньше и не совершила других ограблений.

Да, такое необоснованное недоверие к людям иной раз обходится весьма дорого.

Как раз в те самые дни, когда произошел разговор с инженером Осокиным, из Нижнего Тагила пришло письмо. Работник местного госбанка И. Куклинский писал:

«Представьте себе, что вы решили побриться. В парикмахерской ловкий мастер омолодил вас на двадцать лет. Освежил. Поклонился. Вы идете к кассе. На ней висит учтивое объявление: «Просьба к клиентам переводить плату за стрижку и бритье (простые и фасонные) почтовым переводом». Нелепость! А вот у нас почти такие же нелепости встречаются на каждом шагу».

И далее И. Куклинский рассказывает о том, как сверхревитные и ультранедоверчивые хозяйственники установили, что оплата даже за мелочные услуги — ремонт счетчика, получение номера на велосипед и т. п. — должна производиться только через банк. Да к тому же почтовым переводом.

Зачем? Почему?

Мы уже не говорим, что для оформления пустячных финансовых операций (от пяти до десяти рублей) привлекаются десятки лишних людей. Но главное в другом — недоверии к людям. Как бы подозрительные коммунальники не утянули из полученной по счету пятерки какой-то процент...

ДОВЕРИЕ облагораживает человека. Вселяет в него неукротимый дух творчества и трудолюбия. Вспомним с каким рвением трудятся мастера многих заводов, которым дозволено ставить на изготовленной детали личное клеймо! И они делают это с таким пылом и так тщательно, что вызывают жгучую зависть даже у ветеранов ОТК.

Конечно, надо быть бдительным. Надо непоколебимо бороться с нарушениями норм советской жизни. Но надо и уважать людей. Честное слово, они этого стоят!

Евг. МАР

Луна—Венера—Марс

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

грандиозных «летающих островов» — своего рода промежуточные станции для сборки и полного снаряжения ракетных кораблей. На всю программу **необходимы десятки миллионов тонн конструкций и топлива**, которые обойдутся, по подсчетам ученого, почти в 50 миллиардов долларов.

В отличие от этого предложения, по «ЛВМ»-проекту для первого этапа освоения Луны, то есть для исследования ее радиотелеуправляемыми ракетами, падающими на лунную поверхность слева, справа, сверху, снизу и в центр видимого диска Луны, потребуется лишь пять трехступенчатых ракет со стартовым весом не более 50 тонн каждая. При этом первые ракеты целесообразно использовать для изучения совершенно не известного нам, невидимого с Земли полушария Луны. «Сведения» о нем будет передавать на Землю электронно-телескопическая установка, управляемая по радио. Каждую секунду земная станция будет принимать и записывать изображение. Мы получим, таким образом, десятки тысяч видов Луны, которые последовательно отобразят ее с разных высот, почти вплоть до момента падения ракеты на лунную поверхность.

Такого же количества ракет будет достаточно для осуществления и второго этапа — посадки на Луну и доставки подвижной лаборатории-танкетки, оборудованной телевизионной, радиотелеметрической и другой аппаратурой.

Успешное выполнение этой задачи обогатит нас достаточными данными для организации на Луне уже постоянно действующей научной станции с людьми. При этом предусматривается, что персонал станции будет периодически сменяться.

Ознакомление с многочисленными статьями, публикуемыми за последнее время в мировой печати, убеждает нас в том, что зарубежные специалисты признают преимущества метода исследования Луны без непосредственного участия в полете людей. В частности, американская печать сообщает, что Военно-воздушные силы США получили указание приступить к подготовке запуска на Луну не позднее 1962 года автоматической ракеты — носителя приборов.

ИДЕИ радиотелеуправления межпланетными ракетами, несущими на себе танкетки-лаборатории, послужили мне основой для создания комплексного проекта, включающего, кроме полета на Луну, полеты на Венеру и Марс.

Многолетние исследования и разработка методов радиотелеуправления для изучения космического пространства и ближайших планет — Луны, Венеры и Марса — позволяют заключить, что сейчас это пока единственный способ осуществления межпланетных полетов.

Основное значение для успеха будет иметь, конечно, техника, связанная с точностью управления ракетами на астрономических расстояниях. По принципиальной схеме для этого понадобится прежде всего расположить по кругу, диаметром примерно в десять километров, около сотни больших параболических антенн. Они связываются радиорелейными линиями с пунктом управления режимом работы их по специальной программе.

Большая часть операций по управлению ракетами ляжет на электронные быстродействующие счетно-решающие приборы, обрабатывающие результаты измерений, наблюдений приборов, в том числе принимаемых на Земле телевизионных изображений. Вся многочисленная аппаратура управления будет сосредоточена неподалеку от антенн в специальном наземном пункте радиотелеуправления.

На первый взгляд такое сооружение может показаться довольно громоздким. Но ведь оно останется на Земле, его не нужно будет «забрасывать» в космическое пространство! Наоборот, благодаря этому в полет отправятся компактные и относительно легкие ракеты. А во-вторых, — и это также немаловажно, — одним таким комплектом оборудования можно будет управлять полетом ракет, посылаемых не только на Луну, но также на Венеру и Марс. По «расписанию» движения межпланетных ракет (неизмеримо более жесткому, чем железнодорожное) старты ракет на Луну, Венеру и Марс будут неизбежно не совпадать—ведь планеты движутся по своим орбитам также весьма жестко, по нерушимым законам небесной механики.

Расчеты показывают, что с помощью указанной антенной системы можно будет хорошо лоцировать ракеты в полете, определять их координаты и точно выводить на «станции назначения».

ВЕНЕРА... После Солнца и Луны — это самое яркое из небесных светил. До последнего времени мысли о полете на эту таинственную планету не касалась даже фантастическая литература. И это совсем не случайно. Дело в том, что по своим размерам Венера почти равна Земле. Ее диаметр меньше земного только на три процента, масса составляет четыре пятых массы Земли, а сила ее тяготения поэтому почти одинакова с земной. Между тем при использовании термохимического топлива для доставки каждой тонны полезного груза за пределы действия земного тяготения стартовый вес составной ракеты должен достигать не менее ста тонн (включая вес конструкций и топлива). Но, согласно законам полета в космосе, для четырехкратного преодоления силы земного тяготения (а ведь именно это произойдет при полете на Венеру!) на каждую тонну полезного груза надо израсходовать уже сто тонн в четвертой степени, то есть сто миллионов тонн конструкций и топлива! При полете же на Венеру людей полезный вес межпланетного корабля составил бы сотни тонн. Умножив эти сотни на сто миллионов, мы получим одиннадцатизначную цифру расхода конструкций и топлива, что способно отрезвить даже самого отважного фантаста. Вот почему проектов о полетах людей на Венеру до сих пор, в сущности, не было.

Специалисты по ракетной технике и астронавтике единодушно сходились в мнении, что такие полеты можно осуществить лишь после создания принципиально новых типов двигателей, работающих либо на атомной энергии, либо на каких-то иных, пока неведомых источниках энергии. А таких двигателей пока нет.

Означает ли это, что Венера так и останется недосягаемой?

Нет. Новые методы управления межпланетными ракетами на больших расстояниях, решение вопроса дозаправки их в пути (с помощью тоже телеуправляемых ракет-заправщиков), разработка принципов «космического телевидения», а также ряд других новых технических решений позволяют в ближайшие же годы исследовать и Венеру.

Космическое телевидение принципиально отличается от обычного тем, что передаваемое весьма медленно изображение принимается громадными антеннами с большим усилением, записывается на магнитные ленты, а затем, будучи обработано на электронно-счетных машинах, очищается от помех и специальной аппаратурой воспроизводится на фотобумаге.

Мы не ставим себе цели ни возвратить ракету с Венеры обратно на Землю, ни посадить ее на планету. Ей придется преодолеть гравитационное поле Земли только однажды — при старте. В связи с тем, что вес бортовой аппаратуры для съемки планеты и передачи изображений на Землю не превысит 500 килограммов, на полет в один конец понадобится всего 250 тонн конструкций и топлива, то есть тоже пять ракет, как и при высадке танкетки на Луну (одна составная ракета—носитель аппаратуры, остальные четыре — заправщики).

При полете в один конец продолжительность экспедиции с 738 суток сокращается до 146. Все основные препятствия к полету на Венеру отпадают: нет необходимости ждать окончательного решения проблемы биологии полета; исключается возможность человеческих жертв; постройка и снаряжение ракет чрезвычайно упрощаются — уже не надо заботиться о защите экипажа от метеоритов и других случайностей, таящихся в безвоздушном пространстве, о запасах продовольствия, скафандрах и т. д.

ИССЛЕДОВАНИЕ Марса может быть осуществлено таким же образом. И в этом случае при полете в один конец продолжительность экспедиции с 962 суток сокращается до 258. Дальнейшие полеты на эту планету, заканчивающиеся высадкой танкетки-лаборатории, совершаются так, как об этом было рассказано в моей статье «Реальна ли идея полета на Марс?» («Литературная газета» от 21 июля 1956 года). В итоге, затратив всего двадцать одинотипных трехступенчатых ракет, каждая из которых в момент отделения от стратоплана, разгоняющего ее на старте, весит лишь 50 тонн, мы сможем получить достаточно подробные сведения о Луне, Венере и Марсе. Такие результаты абсолютно невозможно получить по проектам специалистов ракетной техники, которые предлагают посылать в первые разведывательные полеты людей, используя для этого межпланетные корабли, собираемые на грандиозных искусственных спутниках — «летающих островах».

Что касается сроков осуществления межпланетных полетов, то по «ЛВМ»-проекту экспедиция на Луну могла бы быть предпринята в 1960—1965 годах, а на Венеру и Марс — между 1962 и 1967 годами.

По предварительным расчетам, для осуществления «ЛВМ»-проекта необходимо затратить сравнительно небольшую сумму средств, основная доля которых пойдет на наземное оборудование и не будет потеряна. Эта сумма примерно в тысячу раз меньше, чем та, о которой говорил Х. Келле.

Сообщение ТАСС о запуске в СССР сверхдальней, межконтинентальной, многоступенчатой баллистической ракеты свидетельствует о том, что мы располагаем необходимыми условиями и для постройки космических ракет.

Наша страна — родина реактивной техники, основы которой заложил своими бессмертными работами К. Э. Циолковский, — должна завоевать первенство и в области астронавтики, в познании далеких миров.

Ю. ХЛЕБЦЕВИЧ,
кандидат технических наук

ГЕНИЙ

Алексей СПЕШНЕВ

СОВЕТСКИХ зрителей радует, что наши студии с каждым годом выпускают все больше и больше художественных фильмов, но существенно огорчает, что среди них есть значительное количество произведений серых, духовно бескрылых.

Вот почему сегодня надо думать обо всем, что мешает новому расцвету нашего киноискусства.

Великое будущее кино предвидели многие писатели еще в ту пору, когда кинематограф только заявлял о себе как о новом синтетическом искусстве. И не только Горький, мысли которого о кино широко известны, но и такой, скажем, писатель, как Леонид Андреев, еще в 1911 году размышлял о возможностях фильма удивительно дальновидно: кино «воистину становится гением интернационального общения, сближает концы земли и края душ...» И еще: «Нет пределов для авторской воли, творящей действие, обогатилось воображение—и вот нарождаются какие-то новые кинемо-драматурги, еще неведомые таланты и гении...»

Киноискусство дважды родилось на памяти одного поколения: сперва как немое, затем как звуковое. Слово, прозвучавшее с экрана, явилось знаменательным событием в развитии кино. Оно резко сблизило кинематограф с литературой. Но скажем прямо: гении еще не пришли в кинодраматургию.

Не ставя себе тяжкой и непосильной задачи объяснить их досадную медлительность, попытаемся все же рассмотреть некоторые важные детали, так или иначе связанные с этой проблемой.

Мы часто говорим о специфике сценария. Но прежде всего следует говорить о специфических художественных способностях, без которых немыслим успех в кинодраматургии. Основа этих способностей, на наш взгляд, в соединении драматургического дарования с талантом режиссерского видения.

Дать в сценарии фильма, рассчитанного на полуторачасовую протяженность, глубокое и яркое истолкование жизненных явлений возможно лишь при условии овладения сложной краткостью кинематографического письма.

В сценарии больше, чем в романе или драме, необходимы заострение и выделение главного в идее, сюжете, характерах, отдельных сценах; более существенно умение выразить внутреннее состояние человека через внешние пластические детали, строить диалог в живой связи с ними.

Драматургический конфликт, нам думается, — это всегда столкновение точек зрения на жизнь человека, общество. Это всегда, по выражению Толстого, «наука о том, как людям жить друг с другом».

И сила произведения кинодраматургии прямо и прежде всего зависит от содержательности конфликта, от ясного сюжетного выражения его, от «красоты плана».

Искусству «красоты плана» надо учиться.

Возраст театра — тысячелетия. Драматургии кино — еще в периоде юности.

Человек на сцене живет в реальном потоке сценического существования, в пределах картины или акта.

Человек на экране живет в пределах кадра, то есть куска действия, снятого с одной точки и сцепленного с другими кусками, в совокупности дающими сцену, эпизод, фильм.

Монтажный ход картины — это «синтаксис» кинематографа. «Синтаксис» надо изучать.

Короче, писатель должен учиться искусству разговаривать с миллионами зрителей средствами кинематографа.

КИНОПРОИЗВОДСТВО неизбежно будет «лихорадить» до тех пор, пока оно не сумеет прочно опереться на труд писателей, ставших в сценарном творчестве профессионалами.

Еще в 30-е годы начали плодотворно работать в кино такие литераторы, как А. Толстой, В. Вишневский, Н. Погодин, А. Корнейчук, Е. Габрилович и другие. Тогда же сложилась группа талантливых кинодраматургов и писателей-режиссеров, по сценариям которых были созданы «Чапаев», трилогия о Максиме и картины о Ленине, «Партийный билет», «Волга Волга», «Трактористы» и т. д.

За последнее время в отряд литераторов, связавших свою судьбу с киноискусством, влилась молодежь, окончившая сценарный факультет Института кинематографии, но... но гений еще в пути.

Вернемся теперь к нашей мысли о том, что сценарий — новая высокая и своеобразная форма литературного мышления, которой надо настойчиво овладевать, и попытаемся отыскать причину, почему серьезные писатели не слишком охотно идут на глубокое творческое сближение с киноискусством.

Есть много обстоятельств, все еще отталкивающих писателей от кинематографа. И не последнюю роль здесь играет диспропорция между высокими требованиями, предъявляемыми к сценарию, и организационной незащищенностью творчества сценариста.

Однажды кинодраматург Г. Колтунов, автор сценария «Дети партизана», получил письмо от бывшего директора студии «Беларусьфильм» тов. Моргалика: «В результате неоднократных обсуждений вашего сценария творческими работниками разработан окончательный план переделок сценария». Все просто, сурово и ясно: план за автора разработан и предлагается ему для исполнения. При таких обстоятельствах не удивительно, что во время подготовки сценария и фильма «Дети партизана», длившейся с 1947 по 1954 год, Г. Колтунову пришлось написать десять вариантов сценария. Следует к этому добавить, что за семь лет последовательно сменилось семь режиссеров, и вкусы каждого из них был вынужден испытать на своей работе сценарист: семь лет, семь режиссеров, десять вариантов! Следует ли красноречивые цифры снабжать красноречивыми выводами?

Нам могут возразить: это было давно. Нет, не надо думать, что такие истории нынче не случаются.

Поэт Марк Максимов написал сценарий «Подвиг Камо» («Лично известен»). По поводу второго варианта сценария члены редакционной коллегии Сценарной студии сказали: «Мне сценарий нравится» (Довженко). «Сценарий интересен и кинематографичен» (Первенцев). «Я читала три сценария об этом герое, и этот сценарий «Лично известен» — наиболее сильный и интересный» (Смирнова).

После всех консультаций и доработок сценарий был передан для постановки на Ереванскую студию — пошли варианты ереванские. Наконец, директор студии сообщил, что сценарий окончательно принят и утвержден — пошли варианты режиссерские. Режиссеры энергично «вторглись» в литературный сценарий и, пользуясь отсутствием автора, прежде всего поспешно женили героя. Вскоре автор получил бодрое уведомление о том, что творческие работники студии, и в первую очередь режиссеры С. Кеворков и Э. Карамян, внесли в сценарий максимально возможное количество поправок и «усовершенствований». Разумеется, что после этого М. Максимову пришлось снова перерабатывать рукопись, восстанавливая в ней историческую и художественную правду.

Писателей нервирует еще бытующее на студиях неуважение к сценарному труду, произвольное обращение некоторых постановщиков с замыслами авторов, с писательским словом, раздражают режиссерская отсебятина, неумелое дописывание и переделки диалогов. Жертв подобного самоуправства можно назвать немало: вспоминается кинематографическая «одиссея» Льва Линькова, автора «Капитана старой черепахи», и молодого Е. Митько, удрученного нынче опытом постановки первого своего сценария «Предрассветный шторм», и уже умудренного жизнью Ф. Кнорре, который для спасения «После шторма» был вынужден сам стать к аппарату, репетировать

ПОИСКИ СЧАСТЬЯ

НЕДАВНО вышла из печати книга рассказов ленинградского прозаика и драматурга Аркадия Минчковского.

Если бы мы захотели коротко изложить главную мысль лучших рассказов Арк. Минчковского, то сформулировали бы ее примерно так: что прекрасное и что настоящее

человеку свойственно стремиться строить свою жизнь как можно лучше. Присуща ему и любовь ко всему прекрасному. Материальное благополучие, красивые вещи — достаточно ли это для счастья? Все ли прекрасное обязательно дорого стоит?

В рассказах «Ритино счастье», «Неотправленное письмо» мы видим людей, которые под жизненным успехом понимают материальную обеспеченность, возможность приобретать дорогие и красивые вещи и то, что принято называть «положением в обществе». Интересно, что герои этих рассказов не только не терпят краха, наоборот, они с блеском сбываются. У героев все, к чему они так стремились. И что же, они счастливы?

Когда Рита выходила замуж за композитора Игоря Радина, она представляла себе их совместную жизнь так: «Игорь будет сидеть за роялем и писать музыку, а она, Рита, где-то слышно ходить по комнате и делать все так, чтобы Игорю было хорошо». Но на деле все вышло иначе. Игорь хотя и называл себя композитором, почти не подходил к роялю, а занимался организацией концертов и вечеров. Рита стирала пыль со множества редких и дорогих вещей, наполнявших похожую на музей комнату, и ждала мужа. Она растеряла все связи со школьными друзьями. Ей было не о чем с ними говорить. Не о чем говорить и с мужем. Жизнь замкнулась в узкий круг красивых вещей и официальных знакомств. И нестерпимое одиночество постепенно охватывает живую душу Риты.

Писатель как будто даже не негодует против людей, которые больше всего в жизни ценят внешний успех, не мечет на их головы громы и молнии. Он словно и не возмущается. Но от этого его рассказы не становятся менее действенными. Сами того не сознавая, мы начинаем жалеть Риту и всех подобных ей людей — да, да, жалеть! Мы понимаем, что они жестоко ошиблись, променяв радость дружеского общения с людьми, окрыляющее сознание своей нужности, многочисленные обязанности, делающие жизнь полной, на холодную роскошь дорогих сервизов, тяжелых портьер и запертых от соседей комнат.

Эта же тема получила развитие в рассказе «Неотправленное письмо». Но здесь речь идет уже не о внешне красивой, а о внешне правильной и порядочной жизни.

Виктор Антонович Громов всегда был верен своему долгу. Он обеспечивал жену и дочь. Правда, в компании приятелей-артистов ему было куда веселее, чем дома, но ведь он не бросил Веронику... Когда Вероника все-таки уехала от него, он сам сходил к юристу и оформил исполнительный лист. Он «не забыл» о дочери и тогда, когда к нему пришел успех, когда имя его стали печатать на афишах метровыми буквами: по-прежнему «в далекий Камов долгие годы шли деньги, достаточные, чтобы обеспечить сносную жизнь девочке. Разве он, Громов, не считал, что заботиться о дочери его долг, и не выполнял этот долг до конца?»

Да, Виктор Антонович всегда поступал, как должно, и думал, что его жизнь сложилась удачно. «Ему повезло», как говорили друзья. У него было все: известность, положение, деньги, все внешние проявления любви и заботы окружающих. Но за этой внешне яркой жизнью крылась пустота: он был лишен искренней поддержки, сердечной теплоты близких людей. У него «...не было самого главного — сознания, что он правильно прожил лучшие годы». Виктор Антонович понял это слишком поздно.

Арк. Минчковский любит своих героев — молодых, с живыми душами, и хочет помочь им. Без морализирования, очень тактично развенчивает он ложные жизненные идеалы, рисуя все следствия увлечения показным блеском.

Удачны рассказы «День жизни» и «Семнадцать лет». Герои их поступают благородно не в силу логически понятого долга, а потому, что так поступать для них легче и естественнее.

Менее всего удались Арк. Минчковскому рассказы о целинниках. Рассказы эти вызваны к жизни стремлением показать то настоящее, к чему рвутся сердца молодежи. Но свелись они к бесстрастной иллюстрации правильных норм поведения советского человека.

Можно было бы подумать, что тема эта вообще чужда дарованию Арк. Минчковского, если бы не его последний рассказ, напечатанный в седьмом номере журнала «Звезда», — «Гущак из Рио-де-Жанейро», который буквально искрится задорным смехом.

Арк. Минчковский в своих лучших произведениях делает полезное дело. Он заботится о воспитании тех, кто в этом нуждается.

Корнелия ЛЕБЕДЕВА

Аркадий Минчковский. «Шестой вагон». «Советский писатель». Л. 1957.

ХУДОЖНИКИ ЛИВАНА

НЕСКОЛЬКО дней тому назад в помещении Центрального дома работников искусств открылась выставка произведений ливанских художников. Выставка невелика по объему — представлены работы одиннадцати художников и одного скульптора, но она дает возможность судить о сегодняшнем дне ливанского искусства.

Центральное место в экспозиции занимают произведения Симоны Балтакс Мартани. Художник-монументалист, Балтакс не менее интересна и в жанре портрета, пейзажа, сложной многофигурной композиции. Посетители подолгу задерживаются у полотна художницы, посвященного судьбе беженцев, подхваченных разрушительным вихрем войны. Лагерь беженцев живет жизнью нищей и трудной. Ненадежны крыши островерхих палаток, жестка голая, пыльная земля... Вот склонилась над раненым женщина, а вот группа детей коротает часы в незатейливой игре... Смысловым и красочным центром картины являются скорбная фигура женщины в черном и крохотная девочка в синем платье. В них сосредоточились напряженное ожидание, тоска об утраченном доме.

Другое большое полотно Балтакс посвящено изображению праздника. Взлетают яркие кабины качелей, устремились в небо цветные воздушные шары, бродячий торговец зазывает охотников купить сладкие лепешки, но взгляд зрителя прикован к скорбной группе, расположенной на переднем плане. Эти люди тоже ждут — может быть, работы, может быть, подаяния.

Но Балтакс умеет передавать не только чувства скорби — она видит красоту своей страны, силу ее народа. Поглядите на «Бейрутский пейзаж» или на портрет девушки: здесь вступает в свои права светлая и яркая гамма, утверждается радость жизни.

Пейзажи родины, портреты ее людей выставили художники Рашид Вахбе, Цезарь Жмайель, Омар Онси. Сколько спокойного достоинства в лице пожилой женщины (портрет работы Рашида Вахбе), как сурова и прекрасна земля Ливана на акварели Омара Онси.

Художники Ливана в поисках выразительного живописного языка часто обращаются к опыту французской живописи. Но все же в массе своей ливанские художники стараются обрести собственный взгляд на жизнь.

Среди произведений, показанных на выставке, портрет занимает очень скромное место. Судя по работам Эли Ишаана, Поля Киракосяна, Амина Сфейра, ливанские художники чаще всего делают человека объектом для решения колористических задач. Но есть здесь и иные портреты, в которых художник стремился запечатлеть душевный мир человека. Примером тому может служить портрет Халеда Багдаша работы даровитого Мишеля Эльмира.

Отдельный зал выставки отведен скульптурам Мишеля Басбуса.

Первое знакомство москвичей с изобразительным искусством Ливана состоялось в дни фестиваля — на Международной выставке изобразительного и прикладного искусства были представлены произведения молодых ливанских художников. Выставка, открытая в залах Центрального дома работников искусств, расширяет наши представления о ливанской живописи и скульптуре. Выставка будет с интересом встречена советскими людьми.

На снимке: в одном из залов выставки.

Фото Л. Гендлина

Бунин о Чехове

«ЛИТЕРАТУРНОЕ наследство» готовит к печати новый том, посвященный публикации неизданных материалов об А. П. Чехове.

В нем будут помещены вновь найденные рукописи Чехова, более ста писем, не вошедших в двадцатитомное собрание его сочинений, большое количество впервые публикуемых воспоминаний, в частности отрывки из воспоминаний И. А. Бунина о Чехове.

Незаконченная рукопись Бунина, посвященная жизни и творчеству Чехова, имеет особый интерес в том отношении, что она значительно расширяет известные воспоминания Бунина, написанные в 1904 и 1914 годах и опубликованные в те же годы.

Как же создавались дополнения Бунина к уже известным нам его воспоминаниям? Об этом пишет в предисловии к незаконченной рукописи вдова писателя Вера Николаевна Бунина:

«В 1952 году здоровье Ивана Алексеевича резко ухудшилось. Он почти не вставал с постели.

Во время предельно тяжелых страданий от удушья, —а припадки бывали по многу раз в сутки, — он, чуть ему становилось легче, снова принимался работать и над своими книгами, готовя их к «посмертному изданию», — как он говорил, — и над Чеховым... он вспоминал дни, проведенные в доме Чехова, а ведь он часто у него бывал и гостил. Он думал: писать ли ему о Чехове еще раз, вернее «дописать» ли о нем?

А здоровье его все время слабело, он боялся — хватит ли сил?..

В бессонные ночи Иван Алексеевич, — в последний год жизни он почти лишился сна, — делал заметки на обрывках бумаги, иногда даже на папиросных коробках, вспоминал беседы с Чеховым».

Таким образом, ранее опубликованные воспоминания были дополнены. Бунин решил начать книгу метрическим свидетельством Антона Павловича, «...его радовало, что копия оказалась у него в руках, — он очень дорожил этим документом», — пишет В. Н. Бунина.

Бунин скончался 8 ноября 1953 года. Таким образом, дополнения к воспоминаниям о Чехове были последним его творением. Эти дополнения публикуются в «Литературной газете» сокращенно, без исправления мелких неточностей, имеющихся в рукописи.

Л. НИКУЛИН

МЫ сидели, как обычно, в кабинете Антона Павловича и почему-то заговорили о наших крестных отцах:

— Вас крестил генерал Сипягин, а вот меня купеческий брат Спиридон Титов. Слыхали такое звание?

— Нет.

И Антон Павлович протянул мне метрическое свидетельство. Я прочел и спросил:

— Можно переписать его?

— Пожалуйста.

«Запись в метрической книге Таганрогской соборной церкви:

«1860 года месяца Генваря 17-го дня рожден, а 27-го крещен Антоний. Родители его, таганрогский третьей гильдии купец Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна... Восприемники были таганрогский купеческий брат Спиридон Федоров Титов и таганрогского третьей гильдии купца Дмитрия Кирикова Сафьянопуло жена...»

— Купеческий брат! удивительное звание! — никогда не слыхал!

В метрическом свидетельстве указано, что Чехов родился 17 Генваря.

Между тем Антон Павлович в письме к сестре пишет (16 января 1899 г.):

«Сегодня день моего рождения: 39 лет. Завтра именины: здешние мои знакомые барыни и барышни (которых зовут антоновками) пришлют и принесут подарки».

Разница в датах? Вероятно, ошибся дьякон.

МЕНЯ поражает, как он моложе тридцати лет мог написать «Скучную историю», «Княгиню», «На пути», «Холодную кровь», «Тину», «Хористку», «Тиф»... Кроме художественного таланта, изумляет во всех этих рассказах знание жизни, глубокое проникновение в человеческую душу в такие еще молодые годы. Конечно, работа врача ему очень много дала в этом отношении. Он всегда говорил мне и профессору Россолимо, что благодаря ей область его наблюдений расширилась и обогатила его знаниями, настоящую цену которых для него, как писателя, может понять только врач. «Знание медицины меня избавило от многих ошибок, которых не избег и сам Толстой, например, в «Крейцеровой сонате».

И, конечно, если бы не туберкулез, он никогда бы медицины не бросил. Лечить он очень любил, звание врача ставил высоко, — недаром в паспорте Ольги Леонардовны он написал: «жена лекаря».

Писание же в «Будильниках», «Зрителях», «Осколках» научило его маленькому рассказу: извольте не переступить ста строк!

Меня научили краткости стихи.

Со второго семестра первого курса он начал работать в юмористических журналах, куда его провел брат Александр, который еще в пору таганрогской жизни Антоши помещал его остроты в «Будильнике».

Чехов — редкий писатель, который начинал, не думая, что он будет не только большим писателем, а даже просто писателем. А ведь 6 августа 1883 года он послал в «Осколки» «Дочь Альбиона», рассказ совсем не юмористический...

ПИСАТЬ же приходилось вот при каких условиях:

«Передо мной моя не литературная работа, хлопающая немилосердно по совести, в соседней комнате ...отец читает матери вслух «Запечатленного ангела»... Кто-то завел шкатулку, и я слышу «Елену Прекрасную»... Хочется удрать на дачу, но уже час ночи. Для пишущего человека гнуснейшей этой обстановки и придумать трудно...».

И только с 1885 г., когда Чеховы переселились на Якиманку и А. П. стал врачом, у него оказалась отдельная комната, кабинет с камином.

Живость, работоспособность его поразительна, — ведь среди всех писаний он окончил самый трудный факультет.

В СЕРЕДИНЕ февраля, — как я теперь вижу по письмам, — Антон Павлович вернулся домой. Я переехал в гостиницу «Ялта», пережил очень неприятную ночь, — рядом в номере лежала покойница... Чехов, поняв, что я перечувствовал за эту ночь, слегка надо мной подшучивал...

Он настаивал, чтобы я бывал у него ежедневно с самого утра. И в эти дни мы особенно сблизились, хотя и не переходили какой-то черты, — оба были сдержанны, но уже крепко любили друг друга. У меня ни с кем из писателей не было таких отношений, как с Чеховым. За все время ни разу ни малейшей неприязни. Он был неизменно со мной сдержанно нежен, приветлив, заботился как старший, — я почти на одиннадцать лет моложе его, — но в то же время никогда не давал чувствовать свое превосходство и всегда любил мое общество, — теперь я могу это сказать, так как это подтверждается его письмами к близким: «Бунин уехал, и я один...».

По утрам пили чудный кофе. Потом сидели в садике, где он всегда что-нибудь делал в цветнике или около плодовых деревьев. Шли разговоры о деревне, я представлял в лицах мужиков, помещиков, рассказывал о жизни своей в Полтаве, об увлечении толстовством, а он о жизни на Луке в имении Линтваревых: оба мы восхищались Малороссией (тогда так называлась Украина). Мы оба бывали в Святогорском монастыре, в гоголевских местах.

Наедине со мной он часто смеялся своим заразительным смехом, любил шутить, выдумывать разные разности, нелепые прозвища; как только ему становилось лучше, он был неистощим на все это.

Иногда мы выдумывали вместе рассказы: то о захудалом чиновнике-деспоте, а то чувствительную повесть с героинями по имени Ирландия, Австралия, Невралгия, Истерия — все в таком роде, — блеска у него было много [...]

Иногда я читал ему его старые рассказы. Он как раз готовил их к изданию, и я часто видел, как он, перемарывая рассказ, чуть не заново его писал.

Как-то я выбрал и начал вслух читать его давнишний рассказ, написанный в 1885 г., «Ворона».

Сначала Антон Павлович хмурился, но по мере того, как развивалось действие, делался все благодушнее, понемногу стал улыбаться, смеяться. «Правда, пьяных я умел изображать».

В ДРУГОЙ раз в сумерках я читал ему «Гусева», дико хвалил его, считая, что «Гусев» первоклассно хорош, он был взволнован, молчал. Я еще раз про себя прочел последний абзац этого рассказа:

«А наверху в это время, в той стороне, где заходит солнце, скучиваются облака: одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы» ...— как он любит облака сравнивать с предметами,— мелькнуло у меня в уме.— «Из-за облаков выходит широкий зеленый луч и протягивается до самой средины неба: немного погодя, рядом с этим ложится фиолетовый, рядом с этим золотой, потом розовый... Небо становится нежно-сиреневым. Глядя на это великолепное, очаровательное небо, океан сначала хмурится, но скоро сам приобретает цвета ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке и назвать трудно».

— Увижу ли я когда-нибудь его? — подумал я. — Индийский океан привлекал меня с детства... — И неожиданно глухой тихий голос:

— Знаете, я женюсь...

И сразу стал шутить, что лучше жениться на немке, чем на русской, она аккуратнее, и ребенок не будет по дому ползать и бить в медный таз ложкой...

По мере того, как я все более и более узнавал его жизнь, начал отдавать отчет, какой у него был разнообразный жизненный опыт, сравнивал его со своим и стал понимать, что я перед ним мальчишка, щенок... Ведь до тридцати лет написаны «Скучная история», «Тиф» и другие, поражающие житейским опытом его произведения.

Я вижу Чехова чаще бодрым и улыбающимся, чем хмурым, раздраженным, несмотря на то, что я знавал его в течение четырех лет наших близких отношений в плохие периоды его болезни. Там, где находился больной Чехов, царили шутка, смех и даже шалость.

Никогда не видал его в халате, всегда он был одет аккуратно и чисто. У него была педантическая любовь к порядку — наследственная, как настойчивость, такая же наследственная, как и наставительность.

ПЕЧАТАТЬСЯ я начал в конце восьмидесятых годов. Так называемые декаденты и символисты, появившиеся через несколько лет после того, утверждали, что в те годы русская литература «зашла в тупик», стала чахнуть и сереть, ничего не знала кроме реализма, протокольного описания действительности... Но давно ли перед тем появились, например, «Братья Карамазовы», «Клара Милич», «Песнь торжествующей любви»? Так ли уж реалистичны были печатавшиеся тогда «Вечерние огни» Фета, стихи В. Соловьева? Можно ли назвать серыми появлявшиеся в ту пору лучшие вещи Лескова, не говоря уже о Толстом, о его изумительных несравненных «народных» сказках, о «Смерти Ивана Ильича», «Крейцеровой сонате»? И так ли уж были не новы — и по духу и по форме — как раз в то время выступившие Гаршин, Чехов?

«ТАЙНЫЙ рыцарь. Кормщик. Зеленая звезда»... Тогда и заглавия книг всех этих рыцарей и кормщиков были не менее удивительны: «Снежная маска», «Кубок метелей», «Змеиные цветы»... Тогда кроме того ставили их, эти заглавия, непременно на самом верху обложки в углу слева. И помню, как однажды Чехов, посмотрев на такую обложку, вдруг радостно захохотал и сказал:

— Это для косых!

3 МАЯ он в Москве. Сообщает матери: «всю дорогу я был нездоров», но в Москве «полегчало».

Рассказывают, что он по приезде в Москву, на другой день, поехал в Сандуновские бани и простудился. В письме к Куприну он сообщает от 5 мая:

«Я приехал в Москву, нездоров!» А 10 мая Гольцеву: «...нездоров, лежу в постели, каждый день ходит доктор...»

В письме к сестре от 22 мая сообщает, что «третьего дня ни с того ни с сего меня хватил плеврит... Как бы там ни было, на 2 июня заказаны билеты... в Шварцвальд...»

Меня всегда мучает вопрос, почему его повезли за границу в таком состоянии. Сам он Телешову сказал: «еду умирать». Значит, понимал свое положение. У меня иногда мелькает мысль, что, может быть, он не хотел, чтобы его семья присутствовала при его смерти, хотел избавить всех своих от тяжелых впечатлений, а потому не возражал. Конечно, порой он надеялся, как большинство чахоточных, что поправится. Замечательно, что сестре он стал из Москвы писать нежнее.

Он и мне в последнем письме, которое не попало в собрание его писем, писал в середине июня, что «чувствую себя недурно, заказал себе белый костюм...»

ТАКОГО, как Чехов, писателя еще никогда не было!

Поездка на Сахалин, книга о нем, работа во время голода и во время холеры, врачебная практика, постройка школ, устройство таганрогской библиотеки, заботы о постановке памятника Петру в родном городе — и все это в течение семи лет при развивающейся смертельной болезни!

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Мальчик Юрик и писатель Бременер

УВАЖАЕМЫЙ тов. редактор! Меня возмутил рассказ «Первая ступень», напечатанный в журнале «Пионер». № 7 за 1957 год.

Вчера мой сын, ученик четвертого класса, попросил, чтобы я объяснил ему, случайно ли я познакомился с его мамой и случайно ли он родился...

Вопрос показался мне очень странным. Но сын пояснил, что в рассказе «Первая ступень» все ребята задавали такой вопрос своим родителям. Я не поверил и решил прочесть рассказ сам.

В рассказе подробно описывается, как ученики четвертого класса влюблялись, объяснялись в любви

М. Бременер, в сущности, восхваляет детей, которые грубят взрослым озорничают. На протяжении всего рассказа осуждается мальчик Юрик. Может быть, он плохой товарищ или белоручка, отказывающийся от какого-нибудь общественно-полезного дела, или нечестен? Нет, об этом в рассказе нет ни слова. Юрик осуждается за то, что он честным играм предпочитает ловкость, за то, что он уважает взрослых.

Считаю, что рассказ «Первая ступень» никакой пользы детям не приносит, наоборот, он вреден. Хочется пожелать, чтобы впредь в журнале «Пионер» не появлялись такие рассказы. Редакции надо более серьезно подходить к отбору материала, помня о возрасте читателей журнала.

И. МАЧУЛИН

ЛЕНИНГРАД

В рассказе М. Бременера «Первая ступень» описываются дети одного двора — пионеры. Но интересы и дела этих ребят никак нельзя назвать пионерскими.

Идеалы ребят, как их рисует М. Бременер, выявляются в столкновении с новым мальчиком Юркой и его матерью. Ребята сразу, с момента появления Юрки, становятся к нему в резкую оппозицию, потому что он знает, «что можно и что нельзя», потому что он привык уважать старших, считает, например, что перебивать старших нельзя. А ребята называют все это мещанством, пережитками. Очень странно, что их поддерживает сосед, бывший красный партизан Семен Авдеевич.

Но что же представляет собой этот ужасный Юрик, которого срочно нужно исправлять?

Вступление Юрика в коллектив двора было отмечено его простодушными и замечательными словами при предложении кататься с горки: «Боюсь, ребята, порвать штаны. Штаны почти новые. Порву — и для родителей новый расход. Я же сам ничего не зарабатываю!..» Такие слова не могут исходить от «муштрованного гимназистика», так думает обыкновенный советский мальчишка, знающий цену трудовой копейке.

Юрик — хороший товарищ. Он щедро делится с друзьями новыми ластиками и запасными перьями. Что же в нем «мещанского»? Или о мещанстве свидетельствует то, что ему доверяли все взрослые во дворе, оставляя ему ключи от своих квартир?

Особенно выигрывает Юрик при сопоставлении с дворовым заправилой Вовкой, который безостановочно жульничает в карты, а выиграв, во весь голос позорит Юрика, называя «абсолютным дураком». Вовка груб со взрослыми, поступает всегда наперекор им, наконец, вовлекает всех ребят только в глупые и пустые затеи.

Такой рассказ, как «Первая ступень» М. Бременера, не нужен советским детям и даже вреден. Он ведет по ложному пути.

Д. ШАПИРО,
персональный пенсионер
МОСКВА

ОТ РЕДАКЦИИ. Рассказ М. Бременера «Первая ступень», вызвавший, на наш взгляд, законные возражения читателей, не удался автору не только потому, что писатель не учел в нем специфики детской литературы. Редакцию журнала «Пионер» поднупила, видимо, детская тема рассказа, но, в сущности, написан он, как это справедливо заметили читатели, далеко не для детей. Это даже не просто рассказ, а непомерно растянутая притча, расцвеченная мало остроумными анекдотами о детской наивности.

«Соль» притчи, как это усиленно подчеркивает автор, заключена в последнем эпизоде: первого апреля Юра, задумав подшутить над товарищем, сказал ему, что вернулась его мать, которая не жила с семьей и по которой тот очень тосковал. Юра сделал это не со зла: «Для него все было просто. Он знал, что можно и что нельзя. Первое апреля — день дозволенных обманов. Сегодня было можно так поступить, вот и все».

По мысли М. Бременера, этот эпизод должен окончательно скомпрометировать принципы «можно — нельзя», ибо бесконечно плох «учтивый мальчик, который умел вести себя за столом, не перебивал старших, — словом, так хорошо затвердил полдесятка «можно» и «нельзя», что кое-кто у нас во дворе стал всерьез называть его сознательным». Такой моралью завершается притча.

Но правильно ли это, наша ли это мораль? Ведь если уж М. Бременер решил пофилософствовать в детском журнале, то не следовало ли ему наряду с категориями «можно — нельзя» выдвинуть и категорию «нужно»? Ведь «можно — нельзя» М. Бременера — это, в сущности, неуклюже замаскированное противопоставление того, что разрешено или не разрешено в нашем обществе, тому, что нужно в отношениях между людьми. Такое противопоставление в основе своей догматично, хотя оно, как кажется автору, направлено именно против догматизма.

— Пусть не сошлось с ответом! — восклицал М. Бременер названием своей повести, в которой он так же неверно противопоставил сложившиеся в социалистическом обществе нормы и правила жизни своим поверхностным наблюдениям.

— Лучше быть сорванцом, как Вовка, чем таким примерным Юриком, который знает, что можно и чего нельзя, но не видит и не понимает жизни, — пытается убедить нас писатель своим рассказом.

Но, может быть, «оба хуже»?.. И нужно ли, верно ли противопоставлять «правила» и жизнь?..

В этом отношении рассказ М. Бременера вызывает тревогу, и это заставляет нас заговорить о нем. Нужная задача борьбы с догматическим применением правил, волею или невольно, превратилась под пером М. Бременера в демагогическую попытку поставить под сомнение самые эти правила.

Схематичное морализирование неизбежно должно обнаружить свою практическую несостоятельность — это М. Бременер, как видно, знает. Беда в том, что в борьбе с догматизмом писатель сам вступил на путь догматизма. Это и обусловило явную неудачу надуманного рассказа М. Бременера, в качестве «первой ступени» познания жизни выдвинувшего более чем сомнительную и очень странную в устах советского писателя идею «человечности вообще» вне и помимо каких-либо «можно» или «нельзя».

В ПУТИ...

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

С актерами, заканчивать фильм в качестве соредиссера.

Раздражает писателей и приказной стиль критики внутри кинопроизводства. Как-то нам довелось прочесть заключение по историческому сценарию редактора-практиканта. Один из пунктов в этом заключении был сформулирован так: «Бальзака, Альфреда де Мюссе, Жорж Занд и Достоевского — из сценария исключить». Коротко и без обременительных мотивировок! Молодой редактор, не научившись мыслить, уже научился распоряжаться.

Министерством культуры с помощью Союза писателей за последние два года очень много сделано для того, чтобы упорядочить взаимоотношения между писателями и киноорганизациями: сокращены инстанции, рассматривающие сценарии, введен новый типовой сценарный договор, начинает издаваться альманах кинодраматургии и т. д. Но одно противоречие, представляющееся нам едва ли не решающим, до сей поры не снято, и, быть может, поэтому... гений все еще в пути.

ЕСТЬ в нашем кинематографе формулы, которые существуют, чтобы усыплять писателей. Говорят: сценарий — основа фильма. Однако, желая показать, что мера художественного вклада автора естественно ограничена, обычно прибавляют: но кино по самой своей природе — искусство коллективное. Если арифметически складывать творческие профессии, занятые в работе над фильмом, — это справедливо. Но если взглянуть на вопрос глубже, может возникнуть и несколько иной вывод. И театр, к примеру, — искусство коллективное, в создании спектакля тоже участвуют и режиссер, и художник, и композитор, и артисты. Однако все их усилия подчинены одной главной задаче — раскрытию и утверждению взгляда автора на жизнь, «нравственного отношения автора к предмету». Стало быть, творчество драматурга первично, а творчество режиссера и всего артистического коллектива — вторично. Что же в этом смысле отличает кино от театра? Пожалуй, лишь исторический возраст этих искусств.

Имена первых кинодраматургов вытеснены из памяти человечества, и это естественно. Их труд остался лишь спутником делового предпринимательства на заре кинематографа и поводом для ранних художественных поисков режиссеров. Однако дальнейший ход развития кино убедительно показал, что духовное возвышение нового искусства лежит только на пути создания и утверждения серьезной сценарной литературы.

Ключевые позиции режиссуры и ее «профессиональное высокомерие» в нашей практике — результат инерции опыта немого кино, обаяния мифа о сценариях, начертанных на манжете режиссера, рецидивы веры, что творчество за монтажным столом способно возместить погрешности творчества за столом писателя, иначе говоря, — результат того положения, которое занимают режиссеры в процессе кинопроизводства.

Совершенно очевидно, что, чем менее профессионален сценарий, тем более он открыт для вторжения «драматической инициативы» режиссера, а чем более режиссеры вторгаются в драматургию, тем менее возникает у серьезных писателей желание углублять свои связи с кинематографом. Круг этот необходимо разомкнуть. Это сложно. Это требует вдумчивых организационных усилий и определенных жертв со стороны режиссуры, ибо расцвет киноискусства в истинном и широком смысле слова совершенно немыслим без утверждения за писателем его авторских прав.

Следует со всей настойчивостью подчеркнуть, что мы далеки от мысли как бы то ни было принизить значение режиссуры или забыть ее решающий вклад в разработку языка нового искусства: Эйзенштейн и Чаплин вечны. Но киноискусство не поднимется на новую, более высокую ступень, если писатели не овладеют этим языком и не утвердят с его помощью власти мысли и сложного реалистического образа над зрелищем.

СОВЕТСКИЕ кинематографисты с удовлетворением приняли новую структуру творческого процесса, основой которой вынче становится инициатива студий, их более глубокая ответственность за результаты работы. Но на первых порах реорганизация не привела к гармонии между кинодраматургами и режиссерами. Реорганизация оказалась демократической... только для режиссеров. На практике деспотия режиссерского вкуса усилилась — тематический план складывается из намерений режиссеров, не всегда, кстати сказать, отмеченных чертами творческого и гражданского бескорыстия.

Настораживает в этой связи, что в проекте тематического плана кинематографии на 1958 год из 109 основных и 54 резервных сценариев авторами и соавторами 27 сценариев официально являются режиссеры. А сколько еще скрытых соавторов! Практика эта ведет к тому, что даже молодые режиссеры начинают использовать свое служебное положение. Разумеется, никто не станет возражать против участия в сценарном творчестве режиссеров-литераторов, но мы сомневаемся, основываясь на опыте фильмов «Об этом забывать нельзя» и «Разные судьбы», что Л. Луков-сценарист сделал радостным и художественно содержательным труд талантливого Л. Лукова-режиссера; мы сомневаемся, что постановщикам Ай-Артяну или Тахмасибу и Михаэлову так уж целесообразно самим для себя писать сценарии. Известно, например, что В. И. Немирович-Данченко был не только выдающимся режиссером и одним из руководителей МХАТа, но и профессиональным драматургом, однако он, как правило, не ставил своих пьес на сцене Художественного театра.

Думается, что мелкотемье и невысокий духовный уровень многих фильмов в период нынешнего количественного роста нашей кинематографии, отсутствие ярких, современных, жизненно достоверных сценариев — в значительной степени результат режиссерского самотека в выборе сценариев, ослабления тематического планирования.

Все это происходит потому, что до сих пор писатель-сценарист не нашел еще своего точного места в кинопроизводстве. Режиссеры, операторы, художники работают на студиях, в творческих коллективах. Кинодраматурги существуют изолированно от них.

Уже давно на «Мосфильме» организованы режиссерские мастерские — объединения, в которых опытные мастера руководят работой более молодых своих товарищей. Сейчас намечается создание так называемых художественно-производственных объединений, где опять-таки ключевые позиции окажутся закрепленными за режиссурой. Необходимо, чтобы в творческой жизни и руководстве объединений и студий в целом приняли бы **деятельное и организационно оформленное участие писатели.** Только при этом условии сможет наладиться более живая и глубокая связь между литературой и кинематографом.

Помощь здесь может оказать недавно созданный Оргкомитет Союза работников кинематографии. Надо добиться такой атмосферы на студиях, при которой серьезные писатели, склонные к сценарному творчеству, не только пришли бы в кино, но и навсегда остались профессионалами в области кинодраматургии. Лишь в этом случае, думается нам, мы сумеем добиться нового подъема нашего киноискусства.

Преодолев силу инерции, пафос ложного профессионального самолюбия и своекорыстие, приблизив неизбежное, мы станем свидетелями нового великолепного расцвета и однажды в сутолоке делового дня вдруг обнаружим, что... гений пришел.

ГРЯЗНАЯ ИГРА

Шандор ГЕРГЕЙ,
венгерский писатель

СТРАННАЯ игра происходит в Нью-Йорке на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Пять джентльменов попросили почтенное общество признать за истину составленный ими двухтомный доклад по «венгерскому вопросу», доклад, о котором присутствующие на сессии представители самого компетентного эксперта — венгерского трудового народа — заявили, что это нагромождение лжи и клеветы.

Но, конечно, мнение такого «эксперта» составители доклада и их вдохновители — американские политики — пропускают мимо ушей. А председатель Генеральной Ассамблеи таиландский принц Ван Вайтхаякон, которого делегат американских монополий в ООН считает очень мудрым и очень осведомленным в венгерских вопросах, просто отверг утверждения венгерского правительства. На каком основании? Да просто на том основании, что они-де не обоснованы. Ни больше, ни меньше!

Население Венгрии, которое слушало эту странную игру у своих приемников, нисколько не удивлялось...

Многим нашим людям еще несколько месяцев назад открыли глаза на все происходящее граничащие с цинизмом ограниченность и односторонность доклада «комитета пяти». Вот, например, в первой главе доклада говорится: «...ввиду наличия обширных и подробных документов и свидетельских показаний. Комитет придерживается мнения, что материал, который мог бы быть представлен правительством СССР и венгерским правительством, не изменил бы основных выводов Комитета относительно того, что фактически произошло в Венгрии...».

Трудно представить себе более уничтожающую оценку доклада «комитета пяти». Ведь это признание означает, что членов комитета при составлении доклада не интересовали истинные факты. На него не оказали никакого влияния основанные на действительных фактах доводы, приведенные венгерским и советским делегатами на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Доклад «комитета пяти» еще более убедил многих и многих людей в Венгрии, что Запад использовал их в своей грязной игре, глубоко оскорбляющей человеческое достоинство. Даже люди, которые считали бандитский разгул контрреволюции неизбежным спутником этих чрезвычайных событий, были потрясены циничной ложью 70-го пункта доклада: «...грабежей не было, хотя многочисленные витрины магазинов были разбиты, но прохожие не трогали ценных товаров, в том числе даже ювелирные изделия».

То, что многомиллионные ценности универмагов «Диватчарнов», «Корвин», «Минёшеги», государственных складов на проспекте Керепеши были похищены организованными вооруженными бандами,— это не грабеж?! А то, что вооруженные банды взломали и опустошили сотни и тысячи частных квартир,— это тоже не грабеж?! Члены «комитета пяти» нагло смеются прямо в глаза десяткам тысяч пострадавших и ограбленных людей. Прикрывая с таким цинизмом перед миром этот бандитизм, члены комитета отождествляют свои действия с последним.

Каждый здравомыслящий венгр принимает как личное оскорбление циничное заявление 89-го пункта доклада, где говорится: «Те, кто принимал участие в восстании, настаивали на том, чтобы демократический социализм явился основой венгерской политической структуры...» Эта откровенная ложь оскорбляет каждого венгра. По мнению составителей доклада, венгерское общественное мнение способно «проглотить» такую глупость. Значит, выходит, что граф Пал Эстергази и кардинал Миндсенти выступили за демократический социализм? Значит, Йожеф Дудаш в интересах демократического социализма убивал десятки попавших к нему в руки людей, преданных народной демократии? Сожжение красных флагов тоже диктовалось любовью к социализму? Марксистские книги тоже были брошены в костер ради дальнейшего развития социалистической демократии? По-видимому, и кровопролитие на площади Республики и осада Будапештского горкома партии тоже были проявлением этого нового вида «социализма»?!

Повсюду, в Будапеште и в провинции, люди слушали по радио, читали в газетах о документе «комитета пяти». И отовсюду, со всех концов страны, от частных лиц и организаций, с предприятий, из самых отдаленных деревень потоком шли десятки тысяч писем и телеграмм протеста. Трогательным было это добровольное, ревностное выступление истинных свидетелей, которые с возмущением отвергали «данные» кощунственного заговора Запада.

Так, среди этих «данных» особенное негодование вызвало утверждение 5-й статьи 89-го пункта. Оно гласит: «Демонстрации 23 октября сначала были совершенно мирными, и не было обнаружено никаких доказательств, что демонстранты намеревались прибегнуть к силе».

Но ведь членам комитета и не нужны были «доказательства»! Ведь в упоминавшейся уже первой главе заблаговременно зафиксировано, что составителей доклада совершенно не интересовали данные, отличавшиеся от тех, которые были нужны им. В действительности среди демонстрантов, за спиной их руководителей, находились лица, и их было немало, которые не только хотели, но и прибегли к насилию в первый же час «мирной демонстрации».

Конечно, на господ из «комитета пяти» и столь «осведомленного» в венгерских вопросах и «мудрого» таиландского принца никакого влияния не оказало заявление Венгерского правительства. А в нем, между прочим, на основании действительных фактов зафиксировано, что в ночь на 23 октября, то есть еще до начала «мирной демонстрации», в столице и в ее окрестностях, в зоне радиусом 27 километров, одновременно и организованно началась контрреволюционная осада общественных зданий, гражданских и военных складов, почты, радио и т. п...

Старое, давно испытанное средство империалистических провокаторов — называть организованное вооруженное нападение «мирной демонстрацией». Если говорить о кровавом терроре лишь последнего времени, то, видимо, в Гватемале, Кении и Омане, на острове Кипр империалисты бросили свои садистско-террористические штурмовые отряды на действительно мирных, желающих жить по-человечески людей тоже в интересах демократии и мира?

Вспомним же: английские колонизаторы называли убийцами негров из Кении, которые на выстрелы захватчиков отвечали выстрелами... Они заклеймили как террористов патриотов на Кипре, которые с оружием в руках защищали себя и свою родную землю от английских поработителей. Вспомним: в Гватемале и на Кубе американские миллиардеры организовали «революции» в защиту своих сахарных и банановых плантаций.

В связи с этой так часто упоминаемой «мирной демонстрацией» проливается свет и на идею, осуществление и практику контрреволюционной стратегии. Многие факты говорят, что генеральный штаб контрреволюции, желая отвлечь внимание от заранее разработанных им и давно подготовленных операций, бросил лозунг «все на улицу» именно для того, чтобы в гуще демонстрантов и ничего не подозревавших безоружных людей сделать первые шаги вооруженного нападения, направленные против народной демократии.

Составители доклада в 12-м положении 89-го пункта пишут: «...нет доказательств народной поддержки правительства г-на Калара». Конечно, доказательства этому следовало бы искать не у трех К...: предателей Анны Кетли, Белы Кираи и Йожефа Кёваго, если остальные 108 анонимных «свидетелей» не могли дать разъяснения по этому вопросу...

Совершенно естественно, что для «комитета пяти» не является фактом такое решающее событие, как четырехсоттысячная первомайская демонстрация трудящихся Будапешта на площади Героев в поддержку задач, поставленных Революционным Рабоче-Крестьянским Правительством. Или то, что 20 августа в Кишуйсаллаше со всех концов страны собралось сто тысяч крестьян, чтобы показать свою верность политике Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства. Вот уже много месяцев наши шахтеры выдают на-гора уголь сверх плана, а промышленное производство в стране достигло 98 процентов дооктябрьского уровня.

Эти данные, а их можно было бы приводить до бесконечности, конечно, не являются доказательствами в глазах членов комитета! Ведь пять джентльменов заранее объявили, что они не нуждаются в объективных фактах! А ведь демонстрация сотен тысяч людей, все возрастающие темпы производства, рост вкладов в сберкассы яснее ясного говорят о доверии к народному правительству, к народно-демократическому строю!

Незыблем наш народно-демократический строй! Контрреволюция нанесла ему много ран, но мы все быстрее и успешнее залечиваем их с помощью Советского Союза и всех социалистических стран. Наша народно-демократическая страна по-прежнему уважаемый и сильный член великой семьи социалистических государств. Напрасно злобствуют империалисты, напрасно скалят зубы их приспешники! Венгерский народ неуклонно идет вперед! И он будет тем, чем был всегда,—прочным оплотом в могучем фронте социалистической мировой системы.

БУДАПЕШТ, 13 сентября. (По телефону)

Избранники счастливого случая

Люди едят... Обыденная, прозаическая сцена. Чем привлекла она внимание фоторепортера? Оказывается, в украшенном разноцветными флажками зале необычная трапеза. Это пир голодных, банкет неимущих. Беднякам, которым далеко не каждый день удается наполнить пищей свои желудки, вдруг неожиданно привалила удача — возможность наесться доотвала...

Эти снимки, полученные нами из Италии, сделаны 16 августа 1957 года в Милане. Распространившее фотографии агентство Публифото так озаглавило их: «Тысяча голодных ест». Подпись объясняет смысл происходящего: «Миланская церковная традиция требует, чтобы по крайней мере одна тысяча очень голодных людей могла наесться досыта. Это богоугодное дело осуществляется в память щедрого кардинала Феррари».

Один раз в год католическое благотворительное общество имени Феррари устраивает в Милане пропагандистское кормление тысячи «самых голодных». Делается это, главным образом, в расчете на газетную рекламу, которой, как мы видим по публикуемым здесь фотографиям, отнюдь не чуждаются церковные благотворители. Что касается реальной пользы, то многие тысячи бедняков Милана нуждаются в помощи на протяжении всего года, и мероприятие этого общества — лишь капля благодеяния в море народной нищеты.

ПОЗОР АМЕРИКИ

НЕДАВНО американская газета «Нью-Йорк таймс» поместила сообщение о начале учебного года в Москве и опубликовала снимок, изображавший наших мальчиков и девочек, которые принесли букеты цветов своим учителям. Аккуратно одетые, радостные дети стояли, дожидаясь, когда откроются двери школ. В тот же день та же «Нью-Йорк таймс» опубликовала фотоснимки, сделанные в американском городе Литл-Рок. На них были запечатлены американские гвардейцы с винтовками в руках, преградившие неграм-ученикам путь в школу. Как произошло, что «Нью-Йорк таймс» так дала маху, мы не знаем, да это и не наша забота, но сопоставление получилось сенсационное.

Дикие вещи происходят на юге США. В ночь с 9 на 10 сентября оглушительный взрыв потряс город Нэшвилл. Это взлетела на воздух школа, под которую расисты подложили 300 шашек динамита. Три года назад Верховный суд США принял решение об отмене раздельного обучения белых и черных детей, и расисты поклялись, что они скорее разрушат школу, чем разрешат негритянским детям посещать ее. Свою угрозу они выполнили.

Всего-навсего шестнадцать маленьких чернокожих первоклассников было зачислено в нэшвилльские школы. Каждому из них по шесть лет от роду. Когда 9 сентября в 7 часов утра они, взволнованные, пришли с мамами к школам, их ждали там ревущие толпы, вооруженные камнями, палками и разбитыми бутылками. Едва две крохотные негритянские девочки с матерями приблизились к дверям школы, расисты пустили в ход свое оружие...

В крупном промышленном городе Бирмингаме негритянский священник Шаттлуорт заявил, что хочет записать в школу несколько негритянских детей. Этого было достаточно, чтобы расисты начали охоту за этим человеком. Правда, первой жертвой оказался не Шаттлуорт, а другой негр — Джадж Аарон. Куклуксклановские бандиты схватили его на улице, вывезли за город, избили до полусмерти, а потом кастрировали. Это кошмарное надругательство было совершено, по словам самих же насильников, для того, чтобы «предостеречь Шаттлуорта». Но священник не испугался. В положенный день он приехал в школу, чтобы записать детей. Его поджидала банда из 20 белых хулиганов. Тяжелыми цепями они его безжалостно избили священника. Куда смотрела полиция? Начальник полиции Бирмингама Линдберг заявил: «Негры не войдут в наши школы. Мы призовем полицию, чтобы не допустить их».

Приблизительно с год назад наша газета опубликовала снимки из американской печати, на которых были изображены солдаты национальной гвардии, эскортирующие в школу малыша-негра, чтобы его не убили расисты. Что изменилось за этот год? Только то, что теперь национальная гвардия в одном строю с погромщиками преграждает неграм путь к партам. «Прогресс» налицо! По приказу губернатора штата Арканзас — Фобуса войска в полном боевом снаряжении, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками и бомбами со слезоточивым газом плотным кольцом окружили среднюю школу в Литл-Роке, чтобы не пропустить туда 9 негритянских учеников. Тщетно федеральный суд три раза выносил решение о немедленном допуске негров в школы. Губернатор Фобус с презрением игнорировал судебные постановления. Он абсолютно уверен в собственной безнаказанности.

Негры мужественно борются за свои права. Сейчас в Америке у многих на устах имя храброй негритянской девочки Элизабет Экфорд. Худенькая, опрятно одетая Элизабет трижды проходила под градом оскорбительных выкриков и плевков к дверям школы, чтобы по праву, данному ей конституцией США, записаться в класс, и трижды поворачивала обратно, отогнанная штыком американского солдата. Она заявила корреспонденту газеты, что будет снова и снова пробиваться в школу, и добавила: «Лучшие вещи в жизни никогда не достаются легко».

Могут сказать: но ведь правительство США предпринимает кое-какие меры, ведь министр юстиции Браунелл принял решение ограничить право губернатора Фобуса использовать национальную гвардию, а президент Эйзенхауэр подписал закон о гражданских правах.

Полноте, разве это борьба?! Губернатор Фобус и шеф полиции Линдберг нагло попирают американскую конституцию и ни в грош не ставят решение Верховного суда, но власти их трижды мягко увещевали вместо того, чтобы немедленно и примерно покарать.

Что же касается нового закона о гражданских правах, то, несмотря на свое громкое название, он ровно ничего не меняет в судьбе 17 миллионов американских негров. Все широкие полномочия, которые предполагалось предоставить правительству для того, чтобы оно могло практически осуществить положение о равноправии рас, были вычеркнуты во время предварительного обсуждения законопроекта в сенате. Да и о какой борьбе против расизма можно говорить всерьез, если расисты стоят у власти, если влиятельнейший сенатор Истленд, глава юридической комиссии сената и столп американизма, гордо изрекает сентенции о «неполноценности» черной расы и превосходстве белой, и если вице-президент Никсон, покупая дом, дает обязательство не сдавать и не продавать его чернокожим!

Художественные мероприятия для создания видимости благородных усилий по ликвидации расовой дискриминации рассчитаны исключительно на внешнее потребление. Все дело в том, что положение американских негров превратилось в международную проблему. Не зря сенатор Хэмфри, узнав о событиях в Литл-Роке, в ужасе воскликнул: «О, боже мой, что скажет свет!» Схватившись за голову, он заявил, что положение в этом городе «представляется ужасным для всех наших союзников в Индии, Азии, Африке, а также в Европе и Южной Америке». Действительно, трудновато болтать о «защите демократии» на Ближнем Востоке в то время, как демократия втаптывается в грязь в Литл-Роке, Нэшвилле, Бирмингаме. Не сирийцы, а американские погромщики взорвали школу в американском городе. И не особенно удобно господину Даллесу, кстати, члену американского Совета церквей, рассуждать о христианнейших мотивах американской внешней политики, когда негритянского священника в США избивают цепями.

Тщетно американские правители пытаются прикрыть позор Америки от посторонних глаз. Этот позор обнажается в самый неподходящий для них момент, в то время, как господин Лодж с фальшивым пафосом рассказывает Генеральной Ассамблее ООН антисоветские клеветнические сказки о положении в Венгрии. Но никакими сказками и дымовыми завесами нельзя скрыть факты об изуверских расправах с американскими неграми.

«...Положение негров в Америке не достойно цивилизованной страны... Позор Америке за положение негров!..» — эти ленинские слова полностью применимы и к сегодняшней Америке.

М. ВИЛЕНСКИЙ

Журнал «Жатва»

БОЛЬШИМ событием в литературной жизни Китая явился выход в свет первого номера литературно-художественного журнала «Шоуху» («Жатва»).

Во главе журнала стоят известные писатели Ба Цзинь и Цзинь И, в редколлегию входят Лю Бай-юй, Цао Юй, Чэнь Бай-чэнь, Бин Синь, Кэ Линь, Цзюнь Цин, Чжоу Эр-фу, Хань Цзы и другие. Журнал будет выходить раз в два месяца.

Говоря о задачах журнала, редакция пишет, что они состоят прежде всего в том, чтобы правильно отражать великое социалистическое строительство, воспитывать трудящийся народ в духе социализма.

В первом номере журнала помещен ряд интересных материалов. Обращает на себя внимание впервые публикуемая работа Лу Синя «Историческое развитие китайского рассказа». В журнале печатается роман из жизни рабочего класса писателя Ай У, известного советскому читателю по сборнику рассказов, и роман Кан Чжо о китайской деревне наших дней — «Капля долбит камень».

КИНОШКОЛА ПРЕСТУПНОСТИ

ЕЖЕМЕСЯЧНАЯ газета австрийской прогрессивной интеллигенции «Тагебух» опубликовала большую статью Конрада Лигля, в которой вновь поднял вопрос о растлевающем влиянии американских гангстерских фильмов на молодежь Европы. Статья, озаглавленная «Жертвы одного киногода», содержит документальные данные, которые могут быть основой для судебного обвинения.

Статья кратко излагает содержание и характеризует некоторые американские фильмы, демонстрировавшиеся в Австрии в последнее время.

«Моя воля — закон». Описание фильма газета начинает так: «Грохот многих выстрелов разорвал тишину долины, в которой слово Джерома Родака уже давно было железным законом...»

«Техасские бандиты». Перестрелка гангстеров длится 15 минут.

«Город идет через ад». В этой картине показывают, как душат маленьких детей и выбрасывают их на ходу из автомобиля, как можно «профессионально» убить взрослого, как на виду у всех превратить старика в окровавленный кусок мяса.

«Одиночка». На каждые сто метров пленки — один труп.

«На улице ждет смерть». Кровь литрами льется в этом фильме, представляющем собой ряд сцен массовых убийств.

«Мы не ангелы». Мертвые тела используются в картине для того, чтобы вызвать... смех, а отравление ядом рекомендуется, как высокоморальный поступок.

«Клочок жизни». Американский комический актер Микки Руни «веселит» публику бесчисленными убийствами.

Как надо воровать и как сделаться сутенером — учит фильм «Огонь в крови».

В то время, как все честные люди мира выступают за запрещение атомного оружия, Голливуд решил использовать человека, пораженного лучевой болезнью, для... комедии.

Несколько лет назад во многих странах мира демонстрировался американский фильм «Законченный убийца». В нем были показаны самые «совершенные» способы убийства. После просмотра этой кинокартины один восемнадцатилетний американец убил свою тетку, точно соблюдая указания авторов фильма. В Англии пятнадцатилетняя девушка воспользовалась «совершенным» способом для того, чтобы убить двух детей. В Австрии подросток попытался убить мать и сестру. При аресте в его кармане нашли билет с оторванным контролем на картину «Законченный убийца».

Одна венская газета в заметке под сенсационным заголовком «Дуэль подростков по образцу Дикого Запада окончилась смертью» писала: «Кто быстрей выведет курок? Ты или я? По счету девятнадцатилетний Вернер выхватил револьвер быстрее, чем это сделал со своим игрушечным водяным пистолетом Лотар. Товарищ по игре упал, замертво сраженный метким выстрелом. Это был не первый случай, когда подростки воспроизводили сцену, которую они видели в кино. Каждый из них хотел быть Эрроллом Флином или Тайроном Пауэром, героем Дикого Запада...»

Писавшая о массовой преступности среди малолетних, буржуазная австрийская газета «Нейе винер тагесцейтунг» как-то отметила: «Не прошло еще года с тех пор, как в венских кинотеатрах демонстрировался американский фильм «Посев насилия». Многочисленные примеры говорят о том, что этот посев всходит...»

На следующий киносезон австрийским кинотеатрам предложены 229 голливудских фильмов. Девяносто процентов из них — порнографические и гангстерские. Они уже сделали свое дело в Америке, о чем свидетельствуют бесчисленные сообщения американской печати о росте преступности. Теперь эти фильмы направляются в Австрию и другие страны Западной Европы.

Австрийская общественность давно протестует против проката американской киноуголовщины. Год назад в Австрии проходил сбор подписей под петицией министру просвещения Дриммелю, которая требовала принять самые строгие и неотложные меры против опасной голливудской продукции и «грязной литературы». Однако до сих пор почти ничего не сделано для того, чтобы оградить австрийскую молодежь от пагубного влияния гангстерских фильмов.

Л. ЗВЕНИГОРОДСКИЙ

ВЕНА, сентябрь

СТИХИ ИТАЛЬЯНСКИХ ПОЭТОВ

СТРУЯ обновления, внесенная в литературу и искусство Италии годами Сопротивления и борьбы за демократию, не могла не коснуться и современной итальянской поэзии. Изощренные, но холодные стихи поэтов-«герметиков» все чаще уступают место подлинно человечной лирике, и наряду со стихами поэтов «формальной» школы в Италии сегодня зазвучала поэзия высокой и подлинно гражданской страсти.

Мы публикуем несколько стихотворений таких широко известных в Италии поэтов, как Умберто Саба, Сальваторе Квазимодо и Пьер Паоло Пазолини.

Перу недавно скончавшегося Умберто Саба принадлежат «Театр в рабочем клубе» и «Безработный». Оба эти стихотворения взяты из сборника Саба «Канцоньере», переизданного в 1956 году издателем Эйнауди. Стихам Умберто Саба присущи сдержанность чувства, простота ритмического рисунка и глубокая демократичность.

Лирика талантливого поэта Сальваторе Квазимодо представлена стихотворением, как бы перекликающимся с есенинским «Письмом к матери». Это стихотворение взято из сборника «Жизнь — не мечта», вышедшего в издательстве Мондадори.

Мы публикуем также отрывок из поэмы «Плач экскаватора» Пьера Паоло Пазолини, вошедшей в сборник, изданный Эйнауди в 1957 году. О стихах Пазолини — поэта сравнительно молодого — итальянская критика отзывается как о выдающемся явлении современной поэзии. За сборник стихов «Пепел Грамши» поэту присуждена в августе 1957 года литературная премия «Виареджо».

Сальваторе КВАЗИМОДО

М А М А

Вновь без марки письмо твое—
не хватило денег на марку.
Пожалей,
о, господи,
маму,
если я не жалею ее!
Мама,
верь —
я увижусь с тобой!
У причала платок твой
метнется,
и корабль
как котенок слепой,
черным носом в плотину
ткнется.
О, поэтов матери бедные!
Вы измучены жизнью маетной.
Ваши руки мертвенно-бледные
я целую,
тихий и маленький.
Вы нас в путь не пускаете
нежно,
но дорогами зыбкими,
топкими
мы уходим от вас неизбежно
со своими тетрадями тонкими.
...Было небо синее-синее,
и плелись эвкалиптовой рощей
поезда с миндалем,
апельсинами
к устью нашей реки хорошей.
С той поры прошла уже
вечность...
За окошком твоим черно.
Ты сидишь одна в этот вечер,
ждешь —
сама не знаешь чего...
Я прошу тебя,
милая смерть,
ты не трогай комнаты
мамной.
Ты не трогай настенных часов
в нашей старой кухоньке
маленькой.
Их эмалевый циферблат
весь цветами расписан узорно.
Ты не трогай этих цветов —
это детство мое нарисовано.
Я прошу тебя,
милая смерть,
я прошу тебя честно и прямо:
ты меня не щади, —
пощади мою маму...

Перевели
Г. Брейтбурд и Евг. Евтушенко

Пьер Паоло ПАЗОЛИНИ

ПЛАЧ ЭКСКАВАТОРА

Из поэмы

Я был когда-то юным-юным.
Я жил тогда в предместьи
южном —
ни город это, ни село
Меня то солнцем жгло
приморским,
то било дождиком промозглым,
то пылью угольной секло.
Вставали рано,
пили кофе
и шли работать в порт
и в копи,
вор —
воровал,
судья —
судил.
Рассвет был бледный
и недужный,
и я в автобус потный, душный,
как на Голгофу, восходил.
Полудома, полуруины
белели, словно бедуины.
Торговец немощно бубнил:
«Оливки —
только что с оливы!»
Бензина, моря и олифы
щемящий запах в душу бил.
Здесь ветром столько крыш
сдувалось!
Все разрушалось,
все сдавалось
на милость будущего дня.
И я был сдачи той свидетель,
где вместо двери, снятой с
петель,
как флаг о сдаче —
простыня.
Я много жал я много вынес,
но вновь пришел сюда,
где вырос,
и вот в молчаньи я стою,
а низколобый экскаватор,
вдруг развернувшись
резковато,
срывает эту простыню.
И справа все летит и слева...
Ломает он жестоко,
слепо,
но сам растерян и смятен.
Я слышу —
он дрожит всем телом,
он и помочь хотел бы стенам,
и все же их ломает он.
А стены плачут,
крыши плачут,
что ничего теперь не значат,
и слез своих они не прячут, —
им больше жизни смерть
страшна.
Машина стонет и грохочет,
сказать машина что-то хочет—
ломая,
плачет и она.
Все плачет —
то, что бытом было,
и то, что этот быт убило, —
по мертвым плачет и живым.
За все слезами каждый
платит —
и то, что было домом, плачет
и плачет то, что будет им.
Но вижу я —
парнишка потный
ту простыню, нагнувшись,
поднял,
от пыли отряхнул слегка.
Она в руке его усталой
вдруг от заката стала алой,
и только не было древка.
И понял я всем сердцем,
телом,
что и закат годится в дело,
и, как на боль земли ответ,
он рвался,
освещая хаос,
в руке рабочей трепыхаясь, —
закатом созданный рассвет.

Перевел Евг. Евтушенко

Отрывок входит в готовящийся к печати альманах «День поэзии».

Умберто САБА

ТЕАТР В РАБОЧЕМ КЛУБЕ

Мы были в голоде и холоде,
нас подсекал за залпом залп,
но снова зал в серпе и молоте,
и в итальянских звездах зал.
И вот к рабочим и работницам,
чуть кашляя,—
в пути продрог!—
с бессмертным кулаком
ротфронтовским
на костылях
вошел
Пролог.
Он весь и в горести и в
радости,
израненный, но полный сил,
слова о Братстве и о Равенстве,
как в первый раз,
произносил.
Сказал:
«Теперь со сцены слезу я!
Пора начать, как я гляжу,
и я примеру немцев следую—
я восвояси ухожу...»
Внизу,
отставив рюмки полные,
сидели грустные друзья
и вспоминали то, что помнили
о чем не помнить им нельзя.
И голоса росли и таяли
у закопченного стола,
и мать их бедная —
Италия,
о них тревожась,
не спала.
На всем была печать
неясности,
печальных чаяний печать,
но всюду слышалось все
явственней:
«Пора начать!
Пора начать!»
И ждали все чего-то твердого,
расставшись,
вновь сходились в круг...
В сентябрьский день сорок
четвертого
таким ты был,
рабочий клуб!

Перевели
Г. Брейтбурд и Евг. Евтушенко

БЕЗРАБОТНЫЙ

Куда идет этим утром ранним
Человек, на меня немного
похожий.
Человек, лишь в себя
глядящий упрямо,
Человек с лицом усталым
и жестким?
Были годы войны, не этой,
а первой.
Были марши, походы и песни
в строю.
А теперь, опершись на судьбу
и на палку,
Он проходит в толпе,
Мимо лавок пустых,
Мимо длинных базарных
рядов
И звучит вдалеке
В сером воздухе утра
Рожок.

Перевел Г. Брейтбурд

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, Е. РЯБЧИКОВ, В. ФРОЛОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-61, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08 69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—05328.